Немезида

Автор:
Агата Кристи

Немезида

Агата Кристи

Мисс Марпл #12

Мисс Марпл получила известие с того света – письмо от старого друга, мистера Рэфьела, известного читателям по роману «Карибская тайна». В своем завещании богач просит мисс Марпл раскрыть жестокое преступление. Хотя оно и было совершено много лет назад, знаменитая леди сыщик смело берется за дело…

Агата Кристи

Немезида

Agatha Christie

NEMESIS

Copyright © 1971 Agatha Christie Limited.

All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, MISS MARPLE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Agatha Christie Roundels Copyright © 2013 Agatha Christie Limited. Used with permission http://www.agathachristie.com

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Дафне Ханибоун

Глава 1

Увертюра

Вечерами, согласно заведенному ею самой обычаю, мисс Джейн Марпл разворачивала свою вторую газету. Каждое утро в ее дом приносили две газеты. Первую мисс Марпл прочитывала за ранним утренним чаем – в том случае если газету доставляли вовремя. Разносивший газеты мальчишка был известен своим вольным обращением со сроками. Впрочем, его часто заменял новый мальчишка или же временный заместитель первого. И у каждого из них имелись собственные представления относительно географических особенностей выбранного им маршрута доставки. Быть может, подобным образом они разнообразили собственную жизнь. Однако те из подписчиков, кто имел обыкновение прочитывать газеты пораньше, чтобы успеть ознакомиться с самыми сочными из ежедневных новостей, прежде чем погрузиться в автобус, поезд или другое удобное для себя средство передвижения к месту повседневной работы, бывали раздосадованы опозданием газеты, хотя многие пожилые леди и дамы средних лет, мирно обитавшие в Сент-Мэри-Мид, чаще предпочитали прочитывать газету за накрытым для завтрака столом.

Сегодня мисс Марпл ознакомилась с первой страницей и несколькими другими статьями ежедневной газеты, которую она именовала «Ежедневной всячиной», сатирическим образом осмысляя тот факт, что эта газета – «Ежедневные новости» – в результате смены владельца, к ее собственному и подруг великому разочарованию, теперь занялась публикацией статей о женской и мужской моде, дамских кумирах, детских конкурсах и жалостливых писем от дам, при этом умудрившись задвинуть реальные новости с любой части первой страницы в какой-нибудь дальний уголок, где их просто невозможно было найти. Мисс Марпл, особа старомодная, считала, что газеты должны оставаться газетами и прежде всего обязаны снабжать читателя новостями.

После полудня, отобедав, позволив себе минут так с двадцать вздремнуть в специально приобретенном кресле с прямой спинкой, удовлетворявшем запросы ее ревматической спины, она открыла номер «Таймс», пригодный для более ленивого чтения. Не то чтобы «Таймс» оставалась прежней. Она раздражала тем, что теперь в ней вообще нельзя было ничего найти. Прежний освященный временем порядок, позволявший по прочтении первой страницы получить нужные указания и направиться к статьям на интересующие тебя темы, теперь нарушался самым нахальным образом. Две страницы ни с того ни с сего были отведены обильно иллюстрированному путешествию по Капри. Куда большее место, чем в прежние времена, было отведено спорту. Новости королевского двора и некрологи следовали обыкновению в несколько большей мере. Сообщения о рождениях, браках и смертях, раньше занимавшие внимание мисс Марпл прежде всего благодаря их заметному положению, отныне переместились в другую часть газеты и теперь, по ее мнению, почти постоянно занимали последнюю страницу.

Прежде всего мисс Марпл уделила внимание основным новостям на первой странице. Она не стала долго задерживаться на них, поскольку соответствующие сообщения прочла еще утром – правда, изложенные в несколько менее солидной манере, чем это делала «Таймс». Потом быстро просмотрела содержание – статьи, комментарии, наука, спорт, – после чего, последовав своей обыкновенной схеме, обратилась к последней странице и бегло окинула взглядом известия о рождениях, браках и смертях, а затем открыла страницу с корреспонденциями, где почти всегда обретала нечто приятное; далее она занялась «Протокольными мероприятиями Двора»[1 - «Протокольные мероприятия Двора» – ежедневный бюллетень об участии членов королевской семьи в официальных мероприятиях; рассылается редакциям газет и журналов. Введен королем Георгом III в 1803 г.], на одной странице с которыми соседствовали новости аукционов. Там же нередко обнаруживалось короткое

сообщение на научные темы, которое она читать не намеревалась. Подобные вещи редко интересовали ее.

Как обычно, повернув к себе газету последней страницей с сообщениями о рождениях, браках и смертях, мисс Марпл произнесла про себя привычные слова: «Как это ни печально, но в наши дни настоящий интерес представляют только сообщения о смертях».

Сперва шли сообщения о рождениях, однако те, у кого появлялись на свет дети, не были известны мисс Марпл даже по фамилиям. Если бы имеющая отношение к новорожденным колонка трактовала их как чьих-нибудь внуков, имелись бы шансы на кое-какие удовольствия. В таком случае она имела бы возможность подумать про себя: «Ого, у Мэри Прендергаст родилась третья внучка!» – хотя, возможно, подобный факт и не представляет существенного интереса.

Пробежав взглядом раздел свадеб, также не слишком внимательно, поскольку в большинстве своем дочери и сыновья ее подруг давно уже переженились, мисс Марпл добралась до траурного столбца, к которому отнеслась куда более дотошно. А точнее, прочла, стараясь не упустить ни единой фамилии. Алловей, Ангопастро, Арден, Бартон, Бедшоу, Бурговайссер (боже мой, что за германское имечко, откуда такой господин в Лидсе)… Карпентер, Кампердаун, Клегг… Клегг? Не из знакомых ли ей Клеггов? Нет, непохоже. Джанет Клегг, из Йоркшира. Макдональд, Маккензи, Николсон… Николсон? Нет, опять не из знакомых ей Николсонов. Огг, Ормерод… должно быть, одна из тетушек, подумала она. Да, наверное. Линда Ормерод. Нет, с ней она не знакома. Квонтрил? Боже мой, это же Элизабет Квонтрил. Восемьдесят пять. Ну и ну! А она-то думала, что Элизабет Квонтрил уже умерла несколько лет назад. Надо же, сколько прожила! А всегда была такая хрупкая… Никому и в голову не могло прийти, что она протянет так долго. Райс, Радли, Рэфьел. Рэфьел? В памяти шевельнулось нечто. Эта фамилия показалась ей знакомой. Рэфьел. Белфорд-парк, Мейдстоун. Белфорд-парк, Мейдстоун… Нет, подобный адрес ей неизвестен. Никаких цветов. Джейсон Рэфьел. И в самом деле, необычная фамилия… Пожалуй, она где-то слыхала ее. Росс-Перкинс. Ну, это может быть… нет, не может. Райленд? Эмили Райленд. Нет. Нет, она не была знакома с Эмили Райленд. Искренне любимой мужем и детьми. Что ж, очень хорошо – или весьма прискорбно. С какой стороны посмотреть.

Мисс Марпл отложила газету, пробежав праздным взглядом кроссворд, и попыталась все-таки вспомнить, почему фамилия Рэфьел кажется ей знакомой.

– Я это вспомню, – заключила мисс Марпл на основании долгого знакомства с методикой работы памяти у стариков. – Вспомню, не сомневаюсь.

Она глянула из окошка в сторону сада, отвела взгляд и попыталась выбросить это из памяти. Собственный садовый участок в течение уже многих, многих лет являл собой для мисс Марпл источник великого удовольствия и место усердного труда. Однако теперь – благодаря мнительности врачей – работа в саду стала ей недоступна. Однажды она попыталась пренебречь этим запретом, но была вынуждена прийти к выводу, что, в конце-то концов, спокойнее следовать их рекомендациям. Так что она переставила свое кресло под таким углом, чтобы сад не был виден ей, кроме как в случае четкого и ясного желания рассмотреть в нем нечто конкретное. Вздохнув, мисс Марпл взяла в руки сумочку с вязанием и достала из нее уже почти готовую крохотную шерстяную детскую кофточку. Спинка и перед уже были готовы, оставалось довязать рукава. Последнее всегда было неприятно ей. Два совершенно одинаковых рукава. Подумать только, какая скука. Впрочем, какая милая розовая нитка… Розовая шерсть. Минуточку, к чему это она вспоминает? Да… да, в связи с упомянутым в газете именем. Розовая шерсть. Синее море. Карибское море. Песчаный пляж. Солнце. Она вяжет, и тут же, конечно, мистер Рэфьел. Это было то самое путешествие на Карибы, на остров Сент-Оноре. Предпринятое благодаря любезности ее племянника Реймонда. И еще Джоан, ее невестка, жена Реймонда, сказала тогда: «Тетя Джейн, не надо вам больше вмешиваться во всякие убийства. Это вам не полезно».

Ну, она, собственно, и не собиралась снова вмешиваться в любые убийства, однако все произошло без ее согласия. Просто так произошло. Потому лишь, что пожилой майор со стеклянным глазом принялся рассказывать ей долгие и скучные истории. Бедный майор… как там его звали? Она забыла. Мистер Рэфьел и его секретарша, миссис… миссис Уолтерс, да, Эстер Уолтерс, а еще его массажист и помощник Джексон. Все вернулось. Так, хорошо. Бедный мистер Рэфьел. Итак, мистер Рэфьел мертв. Ему было известно, что долго он не проживет. По сути дела, он сам и сказал ей об этом. Похоже, что мистер Рэфьел протянул больше, чем сулили врачи. Он был сильным человеком… упрямым и очень богатым.

Мисс Марпл погрузилась в размышления. Вязальные спицы мерно шевелились в ее руках, однако мысли ее были далеки от вязания. Ум ее был обращен к покойному мистеру Рэфьелу, к тем воспоминаниям о нем, которые сохранились в ее памяти. На самом деле человека этого было трудно забыть. Мисс Марпл без

труда могла представить себе его внешность… бесспорно очень яркая личность… трудный, раздражительный мужчина, подчас кошмарно грубый. Впрочем, никто не был в претензии на его грубость. Теперь она вспомнила и это. На грубость его не обращали внимания, потому что он был настолько богат. Действительно… очень, очень богат. Он возил с собой секретаршу и слугу, опытного массажиста. Ему трудно было обходиться без чьей-нибудь помощи.

А вот этот самый помощник – личность сомнительная, припомнила мисс Марпл. Иногда мистер Рэфьел обходился с ним весьма бесцеремонно. И того это не возмущало. Опять-таки потому, что мистер Рэфьел был настолько богат.

– Никто не будет платить ему и половины того, что плачу я, – говаривал мистер Рэфьел, – впрочем, ему это известно.

Интересно, задумалась мисс Марпл, а остался ли с ним этот самый Джексон? Или все-таки Джонсон? Остался… на сколько же это выходит… еще на год? На год и три или четыре месяца. Скорее всего, нет: мистер Рэфьел был не из тех, кому нравится постоянство. Он уставал от людей, уставал от их привычек, уставал от их лиц, от их голосов.

Мисс Марпл понимала его. Она и сама подчас ощущала нечто подобное. Взять эту ее компаньонку, милую, внимательную женщину, так раздражавшую ее своим воркующим голоском.

– Ах, – произнесла мисс Марпл, – как все с тех пор переменилось к лучшему… – О боже, она забыла ее имя… мисс – Бишоп? Ну нет, конечно, не мисс Бишоп. Но почему ей пришла в голову именно эта фамилия. Боже, ну как все сложно!..

Мысли ее вновь обратились к мистеру Рэфьелу и к… нет, это был не Джонсон, это был Джексон, Артур Джексон.

– Боже мой, – вновь произнесла мисс Марпл, – всегда я путаю имена. И, конечно же, я думаю о мисс Найт, а не о мисс Бишоп. Но почему она припомнилась мне как мисс Бишоп?

Ответ немедленно осенил ее. Виноваты шахматы. Шахматные фигурки. Слон и ладья[2 - Шахматные конь и слон в английском языке соответственно именуются knight и bishop. Ладья – castle, rook. Последнее слово также обозначает

«мошенничать, жульничать».].

– В следующий раз она вспомнится мне как мисс Кастл или мисс Рук. Хотя она не из тех, кто станет мошенничать. Нет, конечно. А как звали эту милую секретаршу мистера Рэфьела? Ах да, Эстер Уолтерс. Правильно. Хотелось бы знать, как поживает сейчас Эстер Уолтерс… Ей завещали деньги? Ей должна была отойти какая-то сумма.

Мистер Рэфьел, вспомнила мисс Марпл, что-то говорил ей об этом, или же это сделала сама Эстер… о боже, как все перепутывается, когда ты пытаешься припомнить прошлое по возможности точно. Эстер Уолтерс. Карибская история стала для нее тяжелым ударом, однако она перенесла его. Она же была вдовой, так ведь? Мисс Марпл надеялась, что Эстер Уолтерс снова вышла замуж за доброго, хорошего, надежного человека. Впрочем, едва ли. Эстер Уолтерс, подумала она, обладала талантом симпатизировать таким мужчинам, за которых нельзя выходить замуж.

Мисс Марпл вернулась к размышлениям о мистере Рэфьеле. Никаких цветов, так было написано. Не то чтобы ей хотелось послать цветы на гроб мистера Рэфьела, который мог бы при желании скупить все оранжереи Англии. И в любом случае они не состояли в дружеских отношениях, не питали друг к другу особой симпатии. Они были – как это правильно сказать? – союзниками. Да, союзниками на какое-то не слишком продолжительное время. Но очень волнующее время. А он был из тех союзников, которых стоит иметь. Мисс Марпл это понимала. Понимала тогда, на Карибах, когда темной тропической ночью бежала к нему. Да, она помнила: тогда на ней была эта розовая шаль… как же их называли, когда она была молода?.. Завлекалочка. Прекрасная розовая шерстяная шаль, которую она накинула себе на голову; взглянув на нее, он рассмеялся, а потом, когда она произнесла – воспоминание заставило мисс Марпл улыбнуться – некое слово, он снова рассмеялся. Но потом уже ему было не до смеха. Нет, он сделал то, о чем она просила его, и поэтому… «Ах!» – вздохнула мисс Марпл; все это было – она не могла не признать этого – очень волнительно. И она никогда не рассказывала обо всей этой истории своему племяннику или дорогой Джоан, потому что, в конце концов, именно этого они и просили ее не делать, правда? Мисс Марпл качнула головой, а потом негромко произнесла:

– Бедный мистер Рэфьел; надеюсь, что он не слишком страдал.

Возможно, он действительно не так уж страдал. Не исключено, что жизнь его в последние дни облегчали дорогие болеутоляющие средства. Тогда, в те недели, проведенные им на Карибах, он почти все время мучился. Боли не отпускали его. Какой отважный человек! Действительно отважный. Ей было жаль, что он умер, потому что, по ее мнению, пусть он и был немолодым, больным, практически инвалидом, в результате его ухода мир потерял нечто существенное. Мисс Марпл не имела никакого представления о том, каким был Рэфьел в своем деле. Наверное, жестоким, решила она, грубым, самовластным и агрессивным. Всегда атакующим. Однако и надежным другом, подумала она. И где-то еще в нем присутствовала глубокая доброта, которую он старался никогда не выпускать на поверхность. Мисс Марпл восхищалась этим мужчиной и уважала его. Что ж, ей жаль, что он ушел; кроме того, она надеялась, что он не слишком переживал по этому поводу и что уход его не был трудным… Теперь его, конечно, кремируют, а прах поместят в какую-нибудь там большую и благопристойную мраморную гробницу. Она даже не знала, был ли женат этот человек. Сам он никогда не упоминал жену или детей. Одиночка? Или жизнь его была настолько полна, что он не нуждался ни в каком одиночестве? Хотелось бы знать.

Тем днем мисс Марпл долго сидела, погрузившись в размышления о мистере Рэфьеле. Она не рассчитывала когда-нибудь снова увидеть его после своего возвращения в Англию и действительно больше не встречалась с ним. И все же каким-то странным образом могла в любое мгновение ощутить себя в соприкосновении с ним. Ну, как если бы он обращался непосредственно к ней или предлагал встретиться, ощущая, быть может, связь благодаря спасенной ими жизни или по какой-то другой причине. Но связь.

– Конечно, – проговорила мисс Марпл, ужаснувшись самой идее, пришедшей ей в голову, – нас ведь не может связывать общая жестокость?

А не бывала ли когда-нибудь она сама, Джейн Марпл, безжалостной и жестокой?

– А знаешь, – обратилась она к себе самой, – вообще-то это нечто… подобное просто никогда не приходило мне прежде в голову. Полагаю, тебе прекрасно известно, что ты умеешь быть жестокой…

Тут дверь отворилась, и в нее просунулась темная и кудрявая головка. Это была Черри, приятная преемница мисс Бишоп… то есть мисс Найт.

– Вы что-то сказали? – осведомилась Черри.

– Я говорила сама с собой, – ответила мисс Марпл. – Мне пришло в голову спросить у себя, умею ли я быть жестокой.

– Что… вы? – отреагировала Черри. – Никогда! Вы – сама доброта.

– И все же, – проговорила мисс Марпл, – полагаю, что я способна проявить жестокость в требующей этого ситуации.

– А какую ситуацию вы сочтете требующей этого?

– Произведение правосудия, – заявила мисс Марпл.

– Видела, как вы производили правый суд над юным Гэри Хопкинсом, – заметила Черри. – В тот день, когда застали его мучающим кошку. Никогда не думала, что вы способны на такую бурю! Перепугали его до полусмерти. Он так и не оправился от испуга.

– Надеюсь, что теперь он кошек не мучает.

– Ну, во всяком случае, сперва убедится в том, что вас нет поблизости, прежде чем приступать к этому занятию, – проговорила Черри. – На самом деле, я не очень уверена в этом, поскольку остальные мальчишки сие занятие не забросили. Как посмотришь на вас с этими клубками и хорошенькими вещицами, которые вы вяжете, так и подумаешь, что видишь кроткую овечку. Однако бывают времена, когда, скажу честно, вы превращаетесь во льва, если того требуют обстоятельства.

На лице мисс Марпл проступили некоторые сомнения. Она не могла представить себя в той роли, которую теперь приписывала ей Черри. Случалось ли ей когда-нибудь… Она задумалась, припоминая различные мгновения – действительно, мисс Бишоп-Найт случалось вызывать у нее сильнейшее раздражение. (Нет, в самом деле, нельзя же все время так путать имена.) Однако ее раздражение проявлялось всегда в более или менее иронических репликах. Львы, по понятным причинам, к иронии не прибегают. В них вообще нет ничего иронического. Лев прыгает. Лев рычит. Пользуется своими когтями, отхватывает

большие куски от своей добычи…

– Вот что, – проговорила мисс Марпл, – не думаю, чтобы мне когда-нибудь случалось вести себя подобным образом.

В тот вечер, неторопливо прогуливаясь по своему саду, ощущая, как крепнет в ней обычная досада, она вновь обратилась к этой мысли. Возможно, на эту мысль ее навела клумба с львиным зевом. Ну что ж это такое, она все время твердит старику Джорджу, что хочет этот самый антирринум ярко-желтого цвета, а не этого уродливого сиреневого, который так обожают садовники.

– Ярко-желтого цвета, – произнесла мисс Марпл вслух.

Из-за изгороди, отгораживавшей улочку от ее дома, донесся чей-то голос, и к ней повернулась чья-то голова.

– Прошу прощения? Вы что-то сказали?

– Боюсь, что я разговаривала сама с собой, – отозвалась мисс Марпл, выглядывая за изгородь.

Там оказалась незнакомка. А ведь она знала большинство жителей Сент-Мэри-Мид; знала в лицо, если не была знакома. За изгородью стояла крепко сложенная женщина в поношенной, но прочной твидовой юбке и в хороших прогулочных ботинках. Изумрудного цвета пуловер дополнял вязаный шерстяной шарф.

– Увы, в моем возрасте это случается нередко, – добавила мисс Марпл.

– У вас красивый сад, – произнесла незнакомка.

– Теперь уже не очень, – возразила мисс Марпл. – Вот когда я сама могла ухаживать за ним… – О, я это знаю и в точности понимаю ваши чувства. Должно быть, вы наняли одного из этих любителей… у меня для них много имен, в основном очень грубых – короче, пожилых мужчин, утверждающих, что им все известно про садоводство. Случается, что это действительно так, однако чаще бывает, что они не смыслят в нем ни на грош. Они приходят к вам, гоняют чаи –

и самую крохотную малость пропалывают ваш сад. Они очень приятные люди – ну, некоторые из них, – но тем не менее негодование сдержать трудно… Я сама опытная садовница, – добавила она.

– Вы живете здесь? – спросила мисс Марпл с некоторым интересом.

– Ну, снимаю жилье у миссис Гастингс. Кажется, я слышала, как она говорила о вас. Вы и есть мисс Марпл, так ведь?

– Ну, да.

– Я живу у нее в качестве чего-то вроде компаньонки и садовницы. Кстати, моя фамилия Бартлетт… мисс Бартлетт. Здесь мне особенно нечего делать, – заявила мисс Бартлетт. – Миссис Гастингс занимается исключительно однолетниками, и только. Не во что как следует запустить зубы. – С этими словами она широко раскрыла рот, блеснув зубами. – Конечно, мне приходится исполнять и различные поручения. Ходить за покупками, например, и тому подобное. В любом случае, если вы хотите, я могла бы выделить для вас час или два. И думаю, окажу вам больше помощи, чем тот тип, который сейчас работает у вас.

– Это совсем нетрудно устроить, – согласилась мисс Марпл. – Больше всего я люблю цветы, овощи меня особо не интересуют.

– У миссис Гастингс скучно, но необходимо… Что ж, я справлюсь. – Женщина окинула взглядом мисс Марпл с ног до головы, словно пытаясь запомнить ее внешность, после чего приветливо кивнула и потопала дальше.

Миссис Гастингс? Мисс Марпл не могла припомнить никакой миссис Гастингс. Безусловно, она не принадлежала к числу ее старых подруг. А кроме того, никогда не была садоводом. И, конечно же, она живет в одном из недавно построенных домов в конце Гибралтар-роуд. В прошлом году туда въехали несколько семейств. Мисс Марпл вздохнула, снова с досадой посмотрела на свои антирринумы, заметила несколько сорняков, которые надлежало искоренить, пару пышных побегов, дожидавшихся ее секатора, и в итоге, вздыхая, мужественно преодолевая искушение, завершила обход по дорожке и возвратилась в дом. Мысли ее вновь возвратились к мистеру Рэфьелу. Они, он и она, были… как это было написано в той книге, которую так часто цитировали в

дни ее молодости? Кораблями, проходившими мимо в ночи…[3 - Этой идиоме больше 150 лет. Она появилась в «Рассказах придорожной гостиницы» Генри Лонгфелло в 1863 г.: «Корабли минуют друг друга в ночи, переговариваясь между собою; дан сигнал, и в ночи раздается далекий голос; так в океане жизни мы проходим мимо друг друга, короткий взгляд и голос, а потом снова тьма».] На самом деле весьма точная формулировка, если как следует подумать. Корабли, проходящие мимо в ночи… В ночи пришла она к нему, чтобы попросить… нет, потребовать помощи. Чтобы настоять на своем, чтобы сказать – нельзя терять времени. И он согласился, и дела сразу пришли в движение! Быть может, в этом случае она была похожа на льва? Нет. Нет, нельзя так говорить. Мисс Марпл ощущала не гнев. Скорее настойчивость… абсолютную необходимость немедленно навести должный порядок. И он понял ее.

Бедный мистер Рэфьел. Корабль, который прошел мимо в ночи, был интересным. А если привыкнуть к его грубостям, мог он сделаться вполне приемлемым человеком?.. Нет! Она тряхнула головой. Мистер Рэфьел никогда не смог бы стать приемлемым человеком. А посему следует выбросить его из головы.

Корабли, что минуют друг друга в ночи,

На ходу говоря меж собою;

Лишь сигнал, словно шепот далекий, звучит…

Должно быть, она никогда больше не вспомнит о нем. Разве что глянет проверить, не появится ли в «Таймс» некролог. Однако едва ли. Все-таки он не принадлежал к числу очень известных людей, подумала мисс Марпл. Был не знаменитым, а просто очень богатым. Конечно, некрологи многих людей публикуются в газетах просто потому, что они были очень богаты; однако богатство мистера Рэфьела, скорее всего, имело иное происхождение. Он не был знаменитым промышленным магнатом, не был великим финансовым гением или видным банкиром. Просто всю свою жизнь зарабатывал огромные деньги…

Глава 2

Пароль: «Немезида»

Примерно неделя прошла после смерти мистера Рэфьела до того момента, когда мисс Марпл взяла письмо с поданного к завтраку подноса и целое мгновение смотрела на него, прежде чем распечатать. Остальные два письма, также пришедшие с утренней почтой, содержали собой счета или же расписки к счетам. В данном случае они не представляли заметного интереса. В отличие от этого письма.

Лондонский штемпель, напечатанный на машинке адрес, длинный, хорошего качества конверт… Мисс Марпл разрезала его ножом для бумаг, который всегда держала под рукой на подносе. Письмо отправлено было конторой «Господа Бродрибб и Шустер, нотариальные поверенные», обретавшейся в Блумсбери. Содержало оно изложенное вежливой юридической фразеологией приглашение посетить их заведение на следующей неделе, дабы обсудить возможно выгодный для нее вопрос. Предлагалась дата: четверг, 24-е число. Но если эта дата для нее неудобна, быть может, она известит их о том, когда посетит Лондон в самое ближайшее время. Пояснение гласило, что они являлись поверенными покойного мистера Рэфьела, с которым она, очевидно, была знакома.

Мисс Марпл нахмурилась в легком недоумении. Поднялась на ноги – медленнее, чем обычно, – обдумывая полученное письмо. Вниз по лестнице ей помогла спуститься Черри, постоянно дежурившая в холле для того, чтобы мисс Марпл не пришлось в одиночку претерпевать трудности, связанные со спуском по лестнице – старомодной, посреди марша поворачивавшей под острым углом.

– Ты очень внимательна ко мне, Черри, – проговорила мисс Марпл.

– Приходится, – обратилась Черри к своему любимому словесному обороту. – Хороших людей на свете немного.

– Ну, что ж, спасибо за комплимент, – поблагодарила ее мисс Марпл, благополучно утвердившись обеими ногами на полу первого этажа.

– Ничего не случилось, а? – поинтересовалась Черри. – Какая-то вы не такая, если можно так выразиться.

– Ничего особенного не произошло, – проговорила мисс Марпл. – Просто я получила неожиданное письмо из нотариальной конторы.

– А не подает ли кто-нибудь на вас в суд? – проговорила Черри, склонявшаяся к тому, чтобы считать письма от юристов неизменно связанными с какого-нибудь рода несчастьем.

– Ну, нет, не похоже на то, – ответила мисс Марпл. – Ничего подобного. Они просто попросили меня на следующей неделе посетить их лондонскую контору.

– Быть может, вам оставили крупное состояние? – с надеждой в голосе произнесла Черри.

– А вот это едва ли возможно, – заметила мисс Марпл.

– Никогда не скажешь заранее, – возразила Черри.

Усевшись в кресло и достав вязанье из вышитой сумки, мисс Марпл принялась обдумывать вероятность того, что мистер Рэфьел оставил ей наследство. Идея эта теперь показалась ей еще более невероятной, чем когда Черри предложила ее. Мистер Рэфьел, по мнению мисс Марпл, был не из тех людей, кто способен на подобные жесты.

Однако предложенная дата не устраивала ее. Мисс Марпл планировала в этот день присутствовать на собрании Женского института[4 - Организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности; в ее рамках действуют различные кружки.], на котором предполагалось обсудить сбор денег на пристройку пары небольших дополнительных комнат. И потому ответила на письмо просьбой перенести встречу на один из дней следующей недели. Ответ пришел должным образом, и встреча была назначена. Интересно, каковы из себя господа Бродрибб и Шустер? Письмо на сей раз подписал Дж. Р. Бродрибб, очевидно являвшийся старшим партнером. Возможно, подумала мисс Марпл, что мистер Рэфьел в своем завещании оставил ей какую-нибудь памятку или сувенир. Наверное, какую-нибудь книжицу о редких цветах, которая, по его мнению, могла порадовать старую, помешанную на садоводстве леди. А может быть, даже и оставшуюся от бабушки брошку с камеей… Фантазии эти развлекали ее. Всего только фантазии, подумала она, поскольку в каждом случае душеприказчики – если эти адвокаты таковыми являлись – могли просто отправить ей нужный предмет по почте. Никакого собеседования ситуация не требовала.

– Ладно, – проговорила мисс Марпл, – узнаю все в следующий вторник.

– Интересно, какая она, – обратился мистер Бродрибб к мистеру Шустеру, посмотрев на часы.

– Она должна прийти через час, – проговорил тот. – Но будет ли она пунктуальной?

– Ну, думаю, да. Насколько я понимаю, она – женщина немолодая и куда более педантичная, чем нынешние юные вертихвостки.

– Толстая или тощая? – продолжил расспросы мистер Шустер.

Мистер Бродрибб покачал головой.

– А Рэфьел когда-нибудь описывал вам ее внешность? – спросил мистер Шустер.

– Он всегда был чрезвычайно уклончив во всем, что говорил о ней.

– Вся эта история кажется мне чрезвычайно странной, – заметил мистер Шустер. – Если бы мы только чуть больше знали о том, что она подразумевает…

– Скорее всего, – задумчивым тоном произнес мистер Бродрибб, – что все это каким-то образом связано с Майклом.

– Что? После стольких прошедших лет? Не может быть. С чего это пришло вам в голову? Или он упоминал…

– Нет, он ничего не упоминал. И не оставил мне никакого намека на то, что происходило в его голове. Просто ограничился одними инструкциями.

– А вам не кажется, что к концу своих дней он сделался, скажем так, чудаковатым?

– Ни в коей мере. В интеллектуальном отношении он сохранил столь же блестящий, как и прежде, ум. Физическое нездоровье никогда не могло

подействовать на его умственные способности. За последние два месяца своей жизни он сумел сделать еще две сотни тысяч фунтов. Около того.

– У него был тонкий нюх, – заметил мистер Шустер с должным почтением. – Безусловно, у него был нюх.

– Ум крупного финансиста, – произнес мистер Бродрибб, также с приличествующей ситуации почтительной интонацией. – На свете не так уж много подобных ему людей… об этом остается только жалеть.

На столе звякнул звонок. Мистер Шустер взял трубку. Женский голос произнес:

– Мисс Джейн Марпл ожидает приема у мистера Бродрибба по предварительной договоренности.

Мистер Шустер посмотрел на партнера и поднял бровь, дожидаясь положительного или отрицательного решения. Мистер Бродрибб кивнул.

– Проводите ее, – сказал мистер Шустер в трубку. И добавил: – Теперь и увидим.

Мисс Марпл вошла в комнату. Навстречу ей с несколько меланхоличным выражением на лице поднялся джентльмен средних лет, худой и поджарый. Очевидно, это и был мистер Бродрибб, внешность которого некоторым образом противоречила имени[5 - Примерный перевод с английского слова broadribb – «широкогрудый».]. Рядом с ним находился джентльмен помоложе, обладавший заметно более округлым сложением. Под черными волосами поблескивали небольшие и проницательные глазки, заметен был находящийся в стадии роста второй подбородок.

– Мой партнер, мистер Шустер, – представил компаньона мистер Бродрибб.

– Надеюсь, что лестница не слишком утомила вас, – любезным тоном проговорил тот, подумав про себя: «Семьдесят – и то в лучшем случае, но скорее всего под восемьдесят».

– Я всегда чуть задыхаюсь, поднимаясь по лестнице.

– Наше здание не из новых, – извиняющимся тоном проговорил мистер Бродрибб. – Лифта нет. Однако мы представляем собой весьма известную фирму и не стремимся обзаводиться многими новомодными штучками, как бы ни хотели того наши клиенты.

– Эта комната обладает великолепными пропорциями, – вежливо похвалила мисс Марпл.

Она опустилась в пододвинутое ей мистером Бродриббом кресло. Мистер Шустер, стараясь быть незаметным, покинул комнату.

– Надеюсь, что вам удобно в этом кресле, – проговорил старший партнер. – Не разрешите ли чуть подвинуть штору? Похоже, что солнце светит вам прямо в лицо.

– Благодарю вас, – произнесла с признательностью мисс Марпл.

Она сидела с прямой спиной, следуя давно заведенной привычке. На ней был легкий твидовый костюм, нитка жемчуга и небольшая, без полей, шляпка. Мистер Бродрибб сказал самому себе: «Провинциальная леди. Положительная особа. Пушистенькая старушка. Может, уже чокнулась, может, нет. Но взгляд острый и проницательный. Интересно, где это Рэфьел подцепил ее… Должно быть, чья-то деревенская тетушка».

Пока эти мысли циркулировали в его голове, он приступил к преамбуле и, уместным образом обратившись прежде всего к погоде, перешел к плачевным результатам действия поздних заморозков в это время года и прочим, с его точки зрения, подобающим в таком случае темам.

Кротко дожидаясь перехода от прелюдии к делу, мисс Марпл отвечала соответствующим ситуации образом.

– Вас, конечно, интересует причина нашего приглашения, – с доброжелательной и уместной улыбкой произнес мистер Бродрибб, положив перед собой несколько бумаг. – Вы, конечно, уже слышали о кончине мистера Рэфьела или, быть может, читали о ней в газете…

– Я прочла газетное объявление, – отметила мисс Марпл.

– Насколько я понимаю, он был вашим другом.

– Мы познакомились чуть больше года назад, – пояснила мисс Марпл и сразу добавила: – В Вест-Индии.

– Ах, так? Помню. Он отправился туда, рассчитывая в тепле поправить свое здоровье. Быть может, поездка в чем-то и помогла ему… впрочем, он был уже очень болен, настоящий калека, как вам известно.

– Да, – согласилась мисс Марпл.

– Вы его хорошо знали?

– Нет, – ответила она, – я бы так не сказала. Мы с ним оказались постояльцами одного отеля. Иногда разговаривали друг с другом. После возвращения в Англию я больше не встречалась с ним. Видите ли, я веду тихую жизнь в сельской местности, а он, насколько я понимаю, был полностью поглощен своим бизнесом.

– Он продолжал заключать сделки до самой… да, готов сказать: действительно до самого последнего дня своей жизни, – проговорил мистер Бродрибб. – Это был истинно одаренный финансист.

– Нисколько не сомневаюсь в этом, – согласилась мисс Марпл. – Я достаточно скоро поняла, что он был к тому же… весьма выдающейся личностью.

– Не знаю, имеете ли вы какое-нибудь представление о том, какое предложение я должен вам сделать согласно воле мистера Рэфьела… не намекал ли он вам каким-то образом на свои намерения в вашем отношении?

– Не могу даже представить себе, – проговорила мисс Марпл, – какого рода предложение собирался сделать мне мистер Рэфьел. Подобное желание с его стороны кажется мне едва ли вероятным.

– Он придерживался очень высокого мнения о вас.

– Это очень любезно с его стороны, но едва ли оправданно, – возразила мисс Марпл. – Я женщина очень простая.

– Как вы, вне сомнения, понимаете, скончался он очень богатым человеком. Пункты его завещания нельзя назвать сложными. Он распорядился своим состоянием за некоторое время до смерти. Фонды и всякая благотворительность.

– Полагаю, что в наши дни это весьма обыденная процедура, – проговорила мисс Марпл, – хотя я совершенно не сведуща в экономике.

– Я пригласил вас сюда для того, чтобы сообщить вам о том, что для вас в его завещании предусмотрена некая сумма, – продолжил мистер Бродрибб, – которая полностью перейдет в ваше распоряжение через один год, – однако при условии, что вы примете определенное предложение, с которым я обязан вас ознакомить. – Взяв со своего стола продолговатый запечатанный конверт, он передал его мисс Марпл. – Полагаю, что будет лучше, если вы сами ознакомитесь с его содержимым. Не торопитесь. Спешить нам некуда.

Мисс Марпл торопиться не стала. Приняв небольшой ножик для разрезания бумаг, предложенный ей мистером Бродриббом, она взрезала конверт, извлекла его содержимое, оказавшееся единственным листом с текстом, отпечатанным на машинке, и прочла его, а потом сложила. После чего снова развернула, перечитала и посмотрела на мистера Бродрибба:

– Это предложение трудно назвать конкретным. Нет ли у вас каких-нибудь пояснений к нему?

– Насколько мне ведомо – нет. Я должен был вручить вам этот конверт и назвать завещанную сумму. Речь идет о двадцати тысячах фунтов, не облагаемых налогом на наследство.

Мисс Марпл, не сходя с места, круглыми глазами уставилась на адвоката. Удивление буквально лишило ее дара речи. Мистер Бродрибб молчал, пристально наблюдая за гостьей. В подлинности ее реакции усомниться было невозможно. Нетрудно было понять, что мисс Марпл совершенно не рассчитывала услышать подобное предложение. Мистер Бродрибб попытался представить, какими будут ее первые слова. Она посмотрела на него с прямотой

и строгостью, достойной одной из его собственных теток, и едва ли не с возмущением проговорила:

– Это очень большие деньги.

– Не такие большие, как прежде, – заметил мистер Бродрибб (с трудом удержавший себя от того, чтобы сказать: «Практически гроши»).

– Вынуждена признаться, – продолжила мисс Марпл, – что я изумлена. Откровенно говоря, обескуражена. – Взяв в руки документ, она старательно еще раз перечитала его и спросила: – Надо думать, вам известно содержание этого письма?

– Да. Мистер Рэфьел сам надиктовал его мне.

– И при этом он не давал никаких пояснений?

– Нет, не давал.

– Но вы, конечно, хотя бы намекнули ему, что будет лучше, если он все-таки сделает их? – проговорила мисс Марпл уже с легкой едкостью в голосе.

Мистер Бродрибб чуть улыбнулся:

– Вы правы. Именно так я и поступил. Я сказал, что вам будет сложно понять, к чему он клонит.

– Замечательно, – проговорила мисс Марпл.

– Конечно, не стоит думать, что вы обязаны дать мне ответ прямо сейчас, – сказал мистер Бродрибб. – Безусловно, – согласилась мисс Марпл, – мне необходимо поразмыслить над этим предложением. – Как вы уже говорили, это значительная сумма…

– Я старая женщина, – произнесла мисс Марпл. – Теперь принято говорить «пожилая», однако «старая» будет точнее. Достаточно старая. Ведь вполне возможно, и даже вероятно, что я не сумею дожить до конца этого года, чтобы

получить эти деньги – в том сомнительном случае, если вдруг сумею заработать их?

– Деньги не следует презирать в любом возрасте, – заметил мистер Бродрибб.

– Я могла бы пожертвовать их на интересующие меня благотворительные мероприятия, – продолжила мисс Марпл, – а кроме того, рядом с нами всегда остаются люди… люди, для которых хочется хоть что-нибудь сделать, хотя собственные средства не позволяют этого. И я не стану говорить, что не имею таких желаний и удовольствий, которые хотела бы позволить себе – но не имею для этого нужных средств. Полагаю, что мистер Рэфьел прекрасно понимал, что открывшаяся внезапно в этом отношении возможность способна доставить пожилой особе изрядное удовольствие.

– Да, в самом деле, – согласился мистер Бродрибб. – Быть может, вас заинтересовала бы поездка за границу? Один из доступных сегодня великолепных туров. А также театры, концерты, возможность наполнить свои погреба…

– Мои запросы будут более умеренными, – задумчивым тоном проговорила мисс Марпл. – Начнем с куропаток… в наши дни их трудно найти, а кроме того, они дороги. Я с большим удовольствием лично съем куропатку – целиком. Коробка засахаренных каштанов также не часто бывает мне по карману. Возможно, нанесу визит в оперу. Это означает такси до Ковент-Гарден и обратно, а также ночлег в отеле… Впрочем, не стоит заниматься праздной болтовней. Я возьму эту бумагу с собой и поразмыслю над ней. Не знаю, что именно заставило мистера Рэфьела… у меня нет ни малейшего представления о том, почему он сделал мне именно это предложение и почему решил, что я способна быть каким-то образом полезной ему. Он не мог не знать, что с момента нашей последней встречи прошел год, нет, почти два года, и что я могла еще больше одряхлеть и в еще большей степени утратить свои прежние способности. Он рисковал. Ведь есть же и другие люди, куда больше пригодные для выполнения подобного расследования?

– Откровенно говоря, так нетрудно подумать, – согласился мистер Бродрибб, – однако он выбрал именно вас, мисс Марпл. Простите меня за праздное любопытство, но не имели ли вы – как это сказать – какого-нибудь отношения к преступлениям или их расследованию?

– Строго говоря, я должна сказать: не имею и не имела, – проговорила мисс Марпл. – Во всяком случае, профессионального. Я никогда не была офицером, контролирующим условно освобожденных, не заседала в суде, не была сотрудницей детективного агентства. Чтобы объяснить причину этого поступка, мистер Бродрибб, что с моей стороны просто необходимо и что, по моему мнению, должен был сделать мистер Рэфьел, я могу сказать только одно: во время нашего пребывания в Вест-Индии нам с мистером Рэфьелом пришлось иметь дело с происшедшим там преступлением. Весьма необычным и запутанным убийством.

– И вы с мистером Рэфьелом нашли убийцу?

– Я бы сказала несколько иначе, – возразила мисс Марпл. – Мистер Рэфьел за счет присущей его личности силы и я, сумевшая сопоставить пару подмеченных мной вполне очевидных свидетельств, сумели предотвратить уже подготовленное второе убийство. Действуя без такого партнера, я не смогла бы этого сделать из-за своей слабости. Мистер Рэфьел, как калека, тоже не справился бы с делом в одиночку. Мы выступали в качестве союзников.

– Мне хотелось бы задать вам еще один вопрос, мисс Марпл. Слово «Немезида» что-то говорит вам? – Немезида, – задумчиво проговорила мисс Марпл. Это был не вопрос. На лице ее очень неторопливо появилась неожиданная улыбка. – Да, – проговорила она, – оно кое-что говорит мне. И кое-что значит для меня, как значило и для мистера Рэфьела. Я сказала ему это слово, и он весьма развеселился, услышав, что под Немезидой я подразумеваю себя.

Мистер Бродрибб ожидал услышать что угодно, но только не это. Он устремил на мисс Марпл столь же недоуменный и озадаченный взор, как и тогда мистер Рэфьел в своей спальне на берегу Карибского моря. Тихая интеллигентная старая леди. И надо же… Немезида!

– Нисколько не сомневаюсь в том, что вы испытываете похожие чувства, – проговорила мисс Марпл, поднимаясь на ноги. – Мистер Бродрибб, если вам случится найти или получить любые дополнительные инструкции по этому поводу, прошу по возможности известить меня. Удивительно, что у вас нет ничего подобного. И потому я остаюсь в полном недоумении относительно того, что именно должна сделать или хотя бы попытаться сделать, по мнению мистера Рэфьела.

– Вы не знакомы с его родными, друзьями, его…

– Нет. Я же сказала вам. Мы познакомились случайно, встретившись в дальнем уголке мира. После чего в качестве союзников поучаствовали в одном таинственном деле. Вот и всё. – Уже собираясь направиться к двери, она вдруг повернулась и спросила: – У него была секретарша, миссис Эстер Уолтерс. Не сочтете ли вы нарушением этикета, если я спрошу, не оставил ли ей мистер Рэфьел пятьдесят тысяч фунтов?

– Его завещание будет опубликовано, – ответил мистер Бродрибб. – Но я могу ответить утвердительно на ваш вопрос… Кстати, миссис Уолтерс теперь стала миссис Андерсон. Она снова вышла замуж.

– Рада слышать. Она осталась вдовой с одной дочерью – и, похоже, была очень хорошей секретаршей. Она прекрасно понимала мистера Рэфьела. Хорошая женщина. Рада слышать, что он ее не забыл.

…Тем вечером мисс Марпл, сидя в своем кресле с прямой спинкой и протянув ноги к камину, в котором на дровах горело неяркое пламя, прогонявшее прохладу, способную по собственной прихоти в любой момент осенить Англию, вновь достала из продолговатого конверта врученный ей утром документ. Все еще не совсем доверяя себе, она принялась читать его вслух, негромко повторяя под нос слова, словно бы стремясь впечатать их в свою память.

Мисс Джейн Марпл,

жительнице деревни Сент-Мэри-Мид.

Это письмо будет доставлено вам после моей смерти любезным попечением моего поверенного, Джеймса Бродрибба. Услугами этого человека я пользуюсь для разрешения тех легальных вопросов, которые возникают в моих личных делах, но не в деловой активности. Это здравомыслящий и достойный доверия адвокат. Подобно большинству представителей рода людского, он подвержен греху любопытства. Я не удовлетворил его. В некоторых отношениях это дело останется между мной и вами. Нашим паролем, моя добрая леди, является «Немезида». Не думаю, что вы успели забыть то время и те обстоятельства, когда произнесли его в моем присутствии. По ходу своей деловой деятельности

за теперь уже достаточно долгую жизнь я научился находить некое качество в человеке, которого намереваюсь принять на работу. Он должен обладать определенным талантом, особым чутьем, необходимым для той работы, которую я хочу чтобы он сделал для меня. Это не знания, это не опыт. Дар – единственное подходящее в этом отношении слово. Естественная способность к выполнению определенных вещей.

Вы, моя дорогая, если я вправе называть вас подобным образом, обладаете естественным чутьем справедливости, которое и привело вас к реализации природного таланта криминалиста. Я хочу, чтобы вы расследовали некое преступление. Я распорядился, чтобы определенную сумму разместили таким образом, что, если вы примете мое предложение и в результате вашего расследования будет пролит свет на обстоятельства этого дела, деньги полностью перейдут в ваше распоряжение. Я отвел вам один год на выполнение моего задания. Вы не молоды, но вы, если так можно выразиться, человек крепкий. Полагаю, у меня есть основания надеяться, что судьба оставит вас в живых как минимум на один год.

Думаю, что предлагаемая работа не покажется вам неприятной. Должен сказать, что вы наделены природным дарованием сыщика-криминалиста. Необходимые средства – так сказать, рабочий капитал для проведения настоящего расследования – по мере нужды будут переводиться вам все это время. Я предлагаю вам это занятие в качестве альтернативы той жизни, которую вы ведете в настоящее время.

Я представляю вас сидящей в кресле, вполне удобном и соответствующем той форме ревматизма, которой вы, вероятно, страдаете. По моему мнению, все персоны вашего возраста страдают от какого-нибудь варианта этой болезни. Если эта хворь поразила ваши колени или спину, если вам трудно передвигаться, свое время вы посвящаете в основном вязанию. Я вижу вас окруженной облачком розовой шерсти, какой увидел однажды поднятым ото сна благодаря вашей настойчивости. Я представляю вас вяжущей кофты, шали и разные прочие вещи, названия которых остаются за пределами моего ведения. Если вы предпочтете оставаться за вязанием – не имею никаких возражений. Если же решите послужить делу правосудия, надеюсь, что вы, во всяком случае, сочтете мое предложение интересным.

«Пусть, как вода, течет суд, и правда – как сильный поток!» (Ам. 5:24)

Глава 3

Мисс Марпл берется задело

I

Мисс Марпл трижды перечитала письмо, после чего отложила его в сторону и, чуть нахмурясь, принялась размышлять над его содержанием и следствиями из него.

В первую очередь она ощутила, что ее оставляют в полном отсутствии конкретной информации. Предоставит ли ей какие-нибудь подробности мистер Бродрибб? Она ощутила почти полную уверенность в том, что на это надеяться не приходится. Просто потому, что это не отвечало плану мистера Рэфьела. И все же, каким образом, по мнению мистера Рэфьела, она должна действовать, вообще что-то делать в отношении абсолютно неизвестного ей дела? Это интриговало. Поразмышляв еще несколько минут, она решила, что мистер Рэфьел как раз и намеревался заинтриговать ее. Мысли ее вновь вернулись к этому человеку, к их непродолжительному знакомству. К его беспомощности, скверному характеру, блестящим вспышкам, едким шуткам. Ему нравилось дразнить людей, подумала она. Как нравилось, что подтверждало и нынешнее послание, сбивать с толку мистера Бродрибба.

В переданном ей письме не содержалось никакого, даже минимального намека на суть предложенного ей к расследованию дела. Оно ничем не могло помочь ей. Мистер Рэфьел, по всей видимости, весьма определенным образом не намеревался предоставлять ей никакой помощи. У него – как бы это сказать? – были другие идеи. Тем не менее мисс Марпл не могла начать, не имея абсолютно никаких указаний. Это как решать кроссворд, имея в руках лишь пустую таблицу. К ней должен прилагаться текст. Она должна была знать, что ей предстоит делать и куда двигаться – или же понимать, что проблему можно решить, оставаясь в кресле, лишь отложив в сторону спицы для лучшей концентрации. Или же мистеру Рэфьелу было угодно, чтобы по воде или по воздуху она отправилась в Вест-Индию, или Южную Америку, или в какое-нибудь другое назначенное им место, где должна будет самостоятельно обнаружить,

что ей надлежит делать, или же получить от него вполне определенные инструкции? Неужели он решил, что она способна схватывать намеки на лету, сама задавать нужные вопросы, самостоятельно находить свой путь? Нет, мисс Марпл не могла поверить в это.

– Если он так думает, – произнесла она вслух, – то у него нет никакого ума. То есть не было ума перед смертью.

Однако мисс Марпл не могла согласиться с тем, что разум оставил мистера Рэфьела.

– А это значит, что я еще получу инструкции, – сказала она себе. – Но какие именно и когда?

И тут мисс Марпл поняла, что, не замечая того, вполне определенным образом приняла предложение, и проговорила вслух, обращаясь к пространству:

– Я верю в вечную жизнь и не могу сказать в точности, где именно вы находитесь, мистер Рэфьел, но не сомневаюсь в том, что вы где-то есть. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы исполнить ваше желание.

II

Через три дня мисс Марпл написала мистеру Бродриббу очень короткое письмо, ограничиваясь одной только сутью дела.

Дорогой мистер Бродрибб,

Я обдумала Ваши слова и хочу сообщить Вам, что решила принять предложение, сделанное мне покойным мистером Рэфьелом. Я сделаю все возможное, чтобы выполнить его желание, хотя совершенно не уверена в успехе. Более того, я не вижу никаких оснований для успешного завершения дела. Из его письма я не получила никаких инструкций и не была – кажется, это называется «проинформирована» должным образом. Если Вы располагаете другими сообщениями, устанавливающими для меня конкретные инструкции, буду рада получить их от Вас, но, поскольку Вы еще не сделали этого, думаю, что дело

обстоит иначе.

Полагаю, что мистер Рэфьел пребывал перед смертью в трезвом уме и здравой памяти. Думаю, что имею право спросить у Вас, не случалось ли в его жизни в недавнее время какой-нибудь криминальной ситуации, способной заинтересовать его как в деловых, так и в личных отношениях. Не выражал ли он особого интереса, гнева или неудовлетворения какой-либо ситуацией? Если так, я считаю, что имею право просить Вас известить меня о ней. Быть может, кто-нибудь из его родственников и знакомых недавно претерпевал трудности, или стал жертвой некоей несправедливости, или попадал в положение, которое можно трактовать подобным образом?..

Не сомневаюсь в том, что Вы понимаете причины, побуждающие меня задавать подобные вопросы. Возможно, сам мистер Рэфьел ожидал, что я сделаю это.

III

Когда мистер Бродрибб показал это письмо мистеру Шустеру, тот откинулся на спинку своего кресла и присвистнул.

– Итак, она решила взяться за дело? Азартная старушка, – проговорил он и добавил: – Надо думать, ей хотя бы приблизительно известно, о чем идет речь?

– Вы ошибаетесь, – возразил мистер Бродрибб.

– Хотелось бы, – проговорил мистер Шустер. – Покойник был тот еще тип.

– Трудный человек, – согласился мистер Бродрибб.

– У меня нет и малейшего представления, – заявил мистер Шустер, – а у вас?

– И у меня тоже, – не стал возражать мистер Бродрибб. И добавил: – Насколько я могу судить, он не хотел ничего объяснять.

– М-да… и этим самым сделал свое предложение много более трудным. Я не вижу ни малейшего шанса на то, что эта облезлая старая деревенская кошка

сумеет разгадать его замысел и понять, какая блажь пришла ему в голову. А не мог ли он преднамеренно дурачить ее? Так сказать, не захотел ли поводить за нос? Разыграть, к примеру. Или, быть может, решил, что она набила руку на разрешении мелких деревенских проблем и возгордилась и потому ей надлежит преподать строгий урок…

– Едва ли, – усомнился мистер Бродрибб, – я так не считаю. Рэфьел был не из таких.

– Когда-то он любил пошалить, – заметил мистер Шустер.

– Не тот случай! На мой взгляд, он действовал вполне серьезно. Его что-то тревожило. Более того, я совершенно уверен в том, что перед смертью его что-то смущало.

– И он не рассказал вам, что именно… не сделал даже малейшего намека?

– Нет.

– Тогда какого черта может он ожидать… – взорвался Шустер.

– Наверное, он и в самом деле не рассчитывал на то, что из этой идеи получится что-то дельное, – заметил мистер Бродрибб. – Я, собственно, про то, с чего ей удастся начать?

– Если вас интересует мое мнение – это явный розыгрыш.

– Однако двадцать тысяч фунтов – довольно крупная сумма.

– Да, но если ему заранее было ясно, что она не сможет этого сделать?

– Нет, – усомнился мистер Бродрибб. – Рэфьел не стал бы поступать настолько неспортивно. Он должен был думать, что она имеет возможность решить его загадку.

– И что мы будем делать?

– Ждать, – ответил мистер Бродрибб. – Подождем и посмотрим, что будет дальше. В конце концов, должен же быть какой-то прогресс.

– Так вы получили от него конверт с инструкциями?

– Мой дорогой Шустер, – проговорил мистер Бродрибб. – Мистер Рэфьел безоговорочно верил в мое благоразумие и этичное поведение в качестве адвоката. Его запечатанные инструкции могут быть вскрыты лишь в определенных обстоятельствах, которые пока не наступили.

– И не наступят, – утвердительным тоном проговорил мистер Шустер, тем самым закончив обсуждение.

IV

Мистеру Бродриббу и мистеру Шустеру везло уже в том, что они вели полностью загруженную профессиональную жизнь. Мисс Марпл была не настолько удачлива. Она вязала, она размышляла, она прогуливалась, иногда выслушивая от Черри укоризны за это.

– Вы же знаете, что сказал доктор. Что вам не следует перенапрягаться.

– Я хожу очень медленно, – оправдывалась мисс Марпл, – и ничего не делаю. То есть не копаю и не полю… я просто переставляю ноги по очереди и размышляю о всякой всячине.

– Это о чем? – с некоторым интересом спросила Черри.

– Хотелось бы знать самой, – проговорила мисс Марпл и попросила ее принести еще одну шаль, чтобы укрыться от холодного ветра.

– И что ее снедает, хотелось бы знать, – сказала Черри своему мужу, ставя перед ним китайскую тарелку с рисом и тушеными почками. – Китайский обед, – пояснила она.

Муж одобрительно кивнул.

– Ты с каждым днем готовишь все лучше, – заметил он.

– Я опасаюсь за нее, – сказала Черри. – И тревожусь, потому что она чем-то встревожена. Она получила какое-то письмо, которое взволновало ее.

– Ей нужно просто сесть на место, – сказал муж Черри. – Сесть, успокоиться, взять новые книги из библиотеки, пригласить к себе парочку подруг…

– Она что-то обдумывает, – промолвила Черри. – Какой-то план. Продумывает, как приступить к какому-то делу, я так это понимаю.

Завершив на этом разговор, она взяла кофейный поднос и отнесла его мисс Марпл.

– Ты знакома с женщиной, живущей где-то неподалеку от нас в новом доме… ее зовут миссис Гастингс? – спросила мисс Марпл. – И с особой по имени мисс Бартлетт… кажется, так… которая живет с ней?

– Вы имеете в виду тот дом в конце деревни, который только что отремонтировали и покрасили? Жильцы въехали в него совсем недавно. Я еще не знаю их имен. А что вы хотите знать? Это не слишком интересные люди. Во всяком случае, на мой вкус.

– Они родственницы?

– Нет. Думаю, просто подруги.

– Интересно, почему… – Мисс Марпл оборвала себя на полуслове.

– Что интересно?

– Ничего. Убери рукоделье с моего маленького столика и принеси перо и писчую бумагу. Я хочу написать письмо.

– Кому бы это? – Черри не стала скрывать естественное любопытство, присущее ее полу.

– Сестре священника, – проговорила мисс Марпл. – Каноника Прескотта.

– Того, с которым вы познакомились за границей, в Вест-Индии? Вы показывали мне его фото в своем альбоме.

– Да.

– Может, вам нехорошо, а? И вы решили написать священнику и так далее?

– Я чувствую себя как нельзя лучше, – проговорила мисс Марпл, – и хочу как можно скорее взяться за одно дело. Возможно, что мисс Прескотт поможет мне.

Дорогая мисс Прескотт, – писала мисс Марпл, – надеюсь, что Вы не забыли меня. Я познакомилась с Вами и Вашим братом, если помните, в Вест-Индии на острове Сент-Оноре. Надеюсь, что дорогой каноник чувствует себя хорошо и холодной прошлой зимой не слишком страдал от астмы.

Я пишу Вам, чтобы спросить, не можете ли Вы предоставить мне адрес миссис Уолтерс – Эстер Уолтерс, – которую Вы, может быть, помните по нашим карибским дням. Она была секретарем у мистера Рэфьела. Миссис Уолтерс давала мне свой адрес, однако я, к несчастью, затеряла его. Я хотела написать ей, поскольку теперь располагаю некоей агрономической информацией, о которой она просила меня, хотя прежде не владела ею. Недавно я окольными путями узнала, что она снова вышла замуж, однако мой информант был не совсем уверен в фактах. Быть может, Вам известно о ней больше, чем мне.

Надеюсь, что не причиню Вам особого беспокойства своим письмом. С поклоном Вашему брату и наилучшими пожеланиями Вам самой.

Искренне Ваша,

Джейн Марпл.

Отправив это послание, мисс Марпл почувствовала себя лучше.

– Во всяком случае, – сказала она себе, – я приступила к делу. Не то чтобы я особенно надеялась на результат, но, может быть, оно поможет.

Мисс Прескотт, женщина старательная, ответила на письмо едва ли не с ответной почтой. Написав приятное письмо, она приложила к нему искомый адрес.

Я ничего не слышала непосредственно об Эстер Уолтерс, – писала она, – однако, подобно Вам, слышала от подруги, что она видела извещение о ее новом браке. Теперь она стала как будто бы миссис Алдерсон или Андерсон. Она проживает в Уинслоулодж, возле Элтона, Хантс. Мой брат передает Вам свои самые наилучшие пожелания. Как печально, что мы живем так далеко друг от друга: мы – на севере Англии, а Вы – к югу от Лондона. Надеюсь, что в будущем какая-нибудь оказия позволит нам встретиться.

Искренне Ваша,

Джоан Прескотт.

– Уинслоулодж, Элтон, – проговорила мисс Марпл, переписывая адрес. – На самом деле не столь уж далеко отсюда. Да. Не так уж и далеко. Я вполне могу осилить дорогу. Не знаю, как будет лучше – возможно, придется воспользоваться одним из такси Инча. Несколько экстравагантный способ, однако в случае каких-нибудь результатов дорогу можно будет оплатить вполне законным образом. А теперь, следует ли заранее предупредить ее письмом или лучше оставить все на волю случая? На мой взгляд, лучше пусть будет случай. Бедняжка Эстер… Едва ли она вспоминает меня хоть с какой-то симпатией и теплотой.

Мисс Марпл погрузилась в поток воспоминаний, рожденных этой мыслью. Вполне возможно, что ее действия на карибском берегу спасли Эстер Уолтерс от не столь уж далекой насильственной смерти. Во всяком случае, так полагала сама мисс Марпл, но Эстер Уолтерс, безусловно, не была обязана разделять ее точку зрения.

– Милая женщина, – негромко произнесла мисс Марпл, – очень милая женщина. Из тех, кто без особых размышлений выйдет за пропащего человека. Более того,

из тех, кто охотно выйдет за убийцу, имея всего лишь полшанса на это. Я до сих пор считаю, – задумчиво и еще тише проговорила она, – что, скорее всего, спасла ее жизнь. Более того, практически уверена в этом, однако сомневаюсь, что Эстер готова согласиться с подобным мнением. Возможно, она не испытывает ко мне ни малейшей симпатии. Что еще более мешает мне воспользоваться ею в качестве источника информации. И все же придется попробовать. Все лучше, чем сидеть здесь и ждать, ждать, ждать…

Но быть может, мистер Рэфьел просто решил посмеяться над нею, когда писал это письмо? Он не всегда оставался любезен с окружающими и мог весьма неосторожно посмеяться над чужими чувствами.

– В любом случае, – проговорила мисс Марпл, посмотрев на часы и решив пораньше отправиться в постель, – если вечером хорошо поразмыслить, утром в голову может прийти удачная мысль. Быть может, так получится и сейчас.

V

– Как спалось? – спросила Черри, ставя поднос с утренним чаем на столик у локтя мисс Марпл.

– Видела интересный сон, – поделилась впечатлением та.

– Кошмарный?

– Нет-нет, ничего подобного. Я разговаривала с кем-то не совсем мне знакомым. Просто разговаривала. А потом, посмотрев, поняла, что разговаривала совсем не с тем, с кем думала. Это оказался кто-то другой. Очень странно.

– Несколько запутанное сновидение, – сочувственно отозвалась Черри.

– Сон напомнил мне о чем-то, – продолжила мисс Марпл, – или скорее о ком-то, кого я когда-то знала, а потом забыла. Пригласите сюда Инча, хорошо? Пусть явится примерно в полдвенадцатого.

Инч являлся частью прошлого мисс Марпл. Первый из Инчей, владелец кеба, скончался, оставив своим наследником сына, «Молодого Инча», тогда

пребывавшего в возрасте сорока четырех лет, впоследствии превратившего семейную конюшню в гараж и купившего два подержанных автомобиля. После его кончины гараж перешел к новому владельцу. И хотя с тех пор друг друга сменили «Авто Пипа», «Такси Джеймса», «Аренда автомобилей Артура», деревенские старики по-прежнему называли владельца таксопарка Инчем.

– Уж не в Лондон ли вы собрались?

– Нет, я еду не в Лондон. Отобедаю где-нибудь в Хаслемере.

– Ну-ка, чего это вы затеяли? – спросила Черри, подозрительно посмотрев на нее.

– Пытаюсь как бы случайно встретиться с одним человеком, и так, чтобы это выглядело вполне естественно, – проговорила мисс Марпл. – Это не то чтобы легко сделать, но я надеюсь, что у меня получится.

В половине двенадцатого такси подъехало к дому. Мисс Марпл дала указания Черри:

– Позвони по этому номеру, ладно? Спроси, дома ли миссис Андерсон. Если тебе ответит сама миссис Андерсон или если скажут, что она идет к телефону, скажи, что с нею хочет поговорить мистер Бродрибб. Назовешься секретаршей мистера Бродрибба. Если ее нет дома, узнай, когда она вернется.

– А если она дома и я буду говорить с ней?

– Спроси, в какой день на следующей неделе она сможет встретиться с мистером Бродриббом в его лондонской конторе. Когда она ответит, запиши и положи трубку.

– Ну и выдумщица же вы! Зачем все это? Почему вы хотите, чтобы это сделала я?

– Память – любопытная вещь, – сказала мисс Марпл. – Иногда человек узнает голос, даже если не слышал его больше года.

– Ну, миссис Как-ее-там больше вообще никогда не услышит мой голос, так?

– Не услышит, – сказала мисс Марпл. – Вот почему звонить будешь ты.

Черри выполнила распоряжение. Она узнала, что миссис Андерсон ушла за покупками, однако вернется к ленчу и днем будет дома.

– Ну, это существенно облегчает дело, – проговорила мисс Марпл. – Инч уже здесь? Ах да. Доброе утро, Эдвард, – обратилась она к водителю из «Такси Артура», которого вообще-то звали Джорджем. – Теперь о том, куда мы с тобой поедем. Дорога займет, на мой взгляд, часа полтора или побольше.

Экспедиция выступила в путь.

Глава 4

Эстер Уолтерс

Эстер Андерсон вышла из супермаркета и направилась к месту, на котором оставила свою машину, думая о том, что парковка с каждым днем становится все более сложной. Тут она столкнулась с какой-то пожилой женщиной, прихрамывая шедшей навстречу ей. Она извинилась, а женщина воскликнула:

– Неужели… неужели… это действительно вы… миссис Уолтерс, так? Эстер Уолтерс? Не думаю, что вы помните меня. Джейн Марпл. Мы встречались в отеле на Сент-Оноре, но это было давно. Полтора года назад.

– Мисс Марпл?.. Действительно так. Рада видеть вас!

– Какая приятная встреча! Я обедаю вместе с друзьями неподалеку отсюда, но потом мне придется возвращаться через Элтон. Вы сегодня днем будете дома? Мне хотелось бы поболтать. Как приятно видеть старую подругу!..

– Да, конечно. В любое время после трех часов дня.

И встреча была назначена.

«Старушка Джейн Марпл, – улыбнулась про себя Эстер Андерсон. – Интересно как получилось… Я-то думала, что она уже давно умерла».

Мисс Марпл позвонила у двери Уинслоулодж ровно в 3:30. Эстер открыла перед ней дверь и впустила гостью в дом.

Мисс Марпл опустилась в предложенное ей кресло, несколько волнуясь в той манере, которую напускала на себя, будучи несколько встревоженной. Или, во всяком случае, тогда, когда считала нужным произвести впечатление несколько встревоженной женщины. Впрочем, в данном случае это впечатление было ошибочным, так как все складывалось именно так, как она и задумала.

– Как приятно видеть вас, – обратилась мисс Марпл к Эстер. – Как приятно опять видеть вас. Знаете ли, мне кажется, что мир этот устроен достаточно странно. Надеешься снова встретиться с человеком и можешь не сомневаться в том, что эта встреча произойдет. Но проходит какое-то время – и вдруг такой внезапный сюрприз…

– Да, – согласилась Эстер, – и в подобных случаях всегда говорят, что мир тесен, не так ли?

– Вы правы, и мне кажется, что в этом действительно что-то есть. То есть я хочу сказать, что мир кажется настолько большим, а Вест-Индия находится настолько далеко от Англии… Ну, я хочу сказать, что могла бы встретить вас в любом месте. В Лондоне – скажем, в «Харродс»[6 - «Харродс» – самый известный универмаг Лондона.]. На железнодорожной станции или в автобусе. Возможностей бывает так много.

– В самом деле, существует много возможностей, – сказала Эстер. – И я, конечно, не могла бы надеяться на встречу с вами, потому что здешние края не принадлежат к вашей части мира?

– Да. Не принадлежат. Но не потому, что вы живете так далеко от моей Сент-Мэри-Мид. На деле нас разделяет всего что-то около двадцати пяти миль. Но двадцать пять миль в сельской местности – это действительно много, когда у тебя нет машины, которую, конечно, я не в состоянии позволить себе и, уж конечно, в любом случае не способна водить, и потому она бесполезна для меня, так что приходится посещать соседей, выезжая из своей деревни на автобусе

или на такси.

– Вы выглядите удивительно хорошо, – заметила Эстер.

– И я тоже как раз хотела сказать, что вы выглядите удивительно хорошо, моя дорогая. Я и представления не имела о том, что вы живете в этих местах.

– Я живу здесь не очень давно. Всего лишь после свадьбы.

– О, я и не знала. Как интересно… Должно быть, я каким-то образом не заметила этого. Я всегда просматриваю брачные объявления.

– Я замужем уже четыре или пять месяцев, – сказала Эстер. – Теперь моя фамилия – Андерсон.

– Миссис Андерсон, – проговорила мисс Марпл. – Да. Надо напрячься и заставить себя запомнить. И кто ваш муж?

Будет неестественно, если я не спрошу о ее муже, подумала мисс Марпл: ведь старые девы всегда настолько любопытны.

– Он инженер, – сказала Эстер. – И руководит компанией «Тайм энд моушн». Он, – Эстер помедлила, – немного моложе меня.

– И это к лучшему, – немедленно одобрила мисс Марпл. – К лучшему, к лучшему, моя дорогая. В наши дни мужчины стареют быстрее женщин. Я знаю, что так не принято говорить, но на самом деле ошибки здесь нет. На мой взгляд, они слишком много волнуются и работают. А потом у них начинается повышенное или пониженное давление или мелкие неприятности с сердцем. Кроме того, они подвержены раку желудка. Едва ли мы, женщины, так много волнуемся… на мой взгляд, как раз мы-то и являемся сильным полом.

– Возможно, вы правы, – проговорила Эстер.

Она улыбнулась мисс Марпл, и та приободрилась. Когда она в последний раз встречалась с Эстер, та, если судить по внешнему виду, ненавидела ее, а может, и действительно ненавидела в тот момент. Но теперь-то, теперь Эстер как будто

бы ощущала даже известную благодарность. Возможно, она сумела понять, что в данный момент могла бы лежать под каменной плитой на каком-нибудь респектабельном кладбище, вместо того чтобы предположительно наслаждаться счастливой жизнью с мистером Андерсоном.

– Вы прекрасно смотритесь, – проговорила мисс Марпл, – у вас радостное лицо.

– Вы тоже отлично выглядите.

– Ну, конечно, я теперь еще более постарела. А в старости нам досаждает столько разных болезней… Я не про те, которые опасны для жизни, ничего подобного… я хочу сказать, что у тебя всегда найдется какой-нибудь там ревматизм или какое-нибудь нытье и колотье в самых разных местах. И ноги становятся не такими, какими им положено быть. А кроме того, нам вечно напоминает о себе спина, плечо или руки… Ах, дорогая моя, печально вспоминать о подобных вещах. Какой у вас отличный дом!

– Да, но мы живем здесь недавно. Мы въехали сюда около четырех месяцев назад.

Мисс Марпл огляделась. Похоже на то, подумала она. И еще подумала, что заезжали они сюда с размахом. Мебель показалась ей дорогой и уютной, удобной и разве что малость не дотягивающей до роскошной. Хорошие шторы, хорошие чехлы, никаких претензий на художественный вкус, однако она ничего подобного и не ожидала. Мисс Марпл подумала, что прекрасно понимает причину подобной демонстрации процветания… должно быть, оно явилось следствием внушительного наследства, выделенного Эстер покойным мистером Рэфьелом. Ей было приятно, что тот не передумал.

– Думаю, вы видели извещение о смерти мистера Рэфьела, – проговорила Эстер, словно бы уловив ход размышлений мисс Марпл.

– Да. Да, видела, конечно. Примерно месяц назад, не так ли? Мне было так жаль. На деле я очень расстроилась, хотя, как вы помните, сам он все знал и едва ли не признавался в ожидании близкой смерти? При мне он несколько раз намекал на то, что долго не протянет. На мой взгляд, он очень мужественно относился к ожидавшей его перспективе, правда?

– Да, мистер Рэфьел и в самом деле был храбрым и очень добрым человеком, – проговорила Эстер. – Нанимая меня на работу, он сказал, что назначит мне очень хороший оклад, но что мне следует откладывать из него деньги, потому что я больше ничего не получу от него. Ну, я, конечно, больше ничего и не ожидала. Ведь он и в самом деле был хозяином своего слова, правда? Однако он передумал.

– Да, – проговорила мисс Марпл. – Да. Очень рада слышать это. Я предполагала такое, однако он сам ничего не говорил мне.

– Он завещал мне очень крупную сумму, – призналась Эстер. – Удивительно крупную, что оказалось для меня огромным сюрпризом. Сперва я даже не поверила.

– Думаю, он и хотел сделать вам сюрприз. Похоже, он был как раз из таких людей, – сказала мисс Марпл, а после добавила: – А он оставил что-то этому… ну, как его звали? Своему помощнику… помощнику и сиделке?

– Вы о Джексоне? Нет, ему он ничего не оставил, однако, как мне кажется, в том году сделал ему крупные подарки.

– Вы больше не встречались с ним?

– Нет. Нет, после поездки на острова я не видела его, пожалуй, ни разу. После возвращения в Англию он ушел от мистера Рэфьела. Кажется, он перешел к какому-то лорду, живущему на острове… то ли Джерси, то ли Гернси.

– А мне хотелось бы еще раз повидаться с мистером Рэфьелом, – проговорила мисс Марпл. – Странно – после того, как все мы были так тесно сведены судьбой… Он, вы, я и некоторые другие люди. И потом, позже, когда я вернулась домой, через полгода, – мне подумалось: как тесно мы были связаны в это трудное время и как мало на самом деле я знала мистера Рэфьела. Все это пришло мне в голову лишь на следующий день после того, как я увидела в газете объявление о его смерти. И мне захотелось узнать о нем чуть больше. Ну, знаете, где он родился, кем были его родители… были ли у него дети, племянники и кузены… вообще была ли у него семья. И мне захотелось узнать это.

Эстер Андерсон чуть улыбнулась. Она посмотрела на мисс Марпл, и выражение на ее лице как будто говорило: можно не сомневаться в том, что вам всегда хочется узнать все подробности о тех людях, с которыми вас сталкивает жизнь. Однако произнесла она другие слова:

– Дело в том, что люди, как правило, знали о нем только одно.

– То, что он был очень богат, – немедленно отозвалась мисс Марпл. – Вы хотите сказать именно это, не так ли? Но когда вы узнаете, что кто-то богат, дальнейших вопросов почему-то никто не задает. То есть вам больше не хочется ничего знать. Вы говорите «он очень богат» или «он невероятно богат», и голос ваш наполняется почтением, ибо знакомство с невероятно богатым человеком производит на вас глубокое впечатление.

Эстер коротко рассмеялась.

– Он ведь не был женат, правда? – спросила мисс Марпл. – Он никогда не говорил при мне о своей жене.

– Он потерял ее много лет назад. Довольно скоро после того, как они поженились. Кажется, она была много моложе его… и, по-моему, она умерла от рака. Очень прискорбно.

– У него есть дети?

– О да, две дочери и сын. Одна из дочерей вышла замуж и живет в Америке. Другая, как мне кажется, умерла молодой. Американку эту я однажды встречала. Она ничем не напоминает своего отца. Такая тихая и довольно унылая молодая женщина.

Помолчав, она добавила:

– Мистер Рэфьел никогда не говорил о своем сыне. Думается, потому, что с ним были связаны какие-то неприятности. Какого-то рода скандал. По-моему, он умер несколько лет назад. В любом случае отец никогда не упоминал его.

– Боже мой. Как это печально…

– Я думаю, что вся эта история произошла достаточно давно. Кажется, он отправился куда-то за границу, да так и не вернулся оттуда… умер в этом неведомом месте.

– Мистер Рэфьел был очень расстроен этим?

– Трудно сказать, – проговорила Эстер. – Он был из тех людей, которые всегда стремятся не обращать внимания на свои потери. И если этот сын оказался неудачником, бременем, а не благословением, думаю, он просто постарался забыть всю эту историю. Делал что-то необходимое, должно быть, посылал ему деньги, но больше никогда не думал о нем.

– Интересно, – проговорила мисс Марпл. – Он и в самом деле никогда не рассказывал о своем сыне… даже не упоминал?

– Если вы помните, мистер Рэфьел принадлежал к числу тех мужчин, которые никогда не говорят о своих чувствах или своей личной жизни.

– Да, конечно же, помню. Но я подумала, поскольку вы были его секретаршей в течение стольких лет, он мог делиться с вами своими неприятностями.

– Он был не из тех, кто поверяет другим свои неприятности, – заявила Эстер. – В том случае, если у него были таковые. Можно сказать, что женой ему был собственный бизнес. На мой взгляд, мистер Рэфьел был отцом своему делу, и оно являлось для него единственным имевшим значение ребенком. Он наслаждался самим процессом вложения капитала… любил делать деньги. Деловые операции…

– Не зови человека счастливым, пока он не умер, – пробормотала мисс Марпл, повторив эти слова словно лозунг, каковыми они и были в те дни или, во всяком случае, казались. – Однако, может быть, перед смертью его что-то беспокоило… что-то непривычное, а?

– Нет. Почему вам пришла в голову такая мысль? – явно удивилась Эстер.

– Чисто случайно, – проговорила мисс Марпл. – Я просто удивилась, потому что люди обнаруживают большую склонность к тревогам и волнениям не только,

когда стареют, поскольку в действительности мистер Рэфьел еще не был стар… Я хочу сказать, что люди становятся особенно беспокойными, когда организм их выходит из строя, когда человек уже не способен жить как прежде – делать что хочешь и легко относиться к жизни. Тогда заботы сами собой входят в твой разум и заставляют чувствовать себя.

– Да, я понимаю, о чем вы говорите, – ответила Эстер. – Но мне кажется, что мистер Рэфьел не принадлежал к людям подобного сорта. Впрочем, – добавила она, – к тому времени я уже оставила свое место у него – это произошло через два или три месяца после того, как я познакомилась с Эдмундом.

– Ах да. С вашим мужем… Мистер Рэфьел, наверное, был очень расстроен, теряя такого секретаря.

– Ну, я так не думаю, – непринужденно проговорила Эстер. – Подобными вещами уж его-то невозможно было пронять. Наверное, он без промедления нашел себе другую сотрудницу. А если она не понравилась ему, быстро избавился от нее, снабдив приличным выходным пособием, и взял другую – и так до тех пор, пока не нашел ту, что устраивала его. Он всегда был весьма разумным человеком.

– Да-да, понимаю. Впрочем, он довольно легко выходил из себя.

– Ну, мистер Рэфьел наслаждался самим процессом, – заметила Эстер. – Думаю, это привносило в его жизнь драматический элемент.

– Драматический элемент, – задумчиво повторила мисс Марпл. – Как вы думаете – я часто гадала, – как вы думаете, не имел ли мистер Рэфьел особенного интереса к криминологии, то есть к расследованию как таковому? Ой, не знаю, как это сказать…

– Вы думаете так из-за того, что случилось на Карибах? – Голос Эстер вдруг сделался жестким.

Мисс Марпл немедленно усомнилась в том, что ей стоит далее развивать тему, однако выхода не было – следовало продолжить и попытаться выудить хотя бы кроху полезной информации.

– Нет, нет, не поэтому; но, быть может, потом он заинтересовался психологией подобных вещей. Или интересовался теми случаями, когда правосудие не восторжествовало или… ну, не знаю…

С каждым словом она ощущала себя все более неловко.

– Но зачем ему интересоваться такими вещами? И давайте не будем вспоминать о жуткой истории, приключившейся на Сент-Оноре.

– О, нет-нет… конечно, вы совершенно правы. Поймите, мне действительно очень жаль. Просто вспомнились некоторые фразы, которые иногда говорил мистер Рэфьел. Странные фразы, знаете ли, иногда очень странные, и я хотела узнать, не было ли у него каких-то теорий, так сказать… теорий о причинах преступлений?

– Его всегда интересовала лишь финансовая сторона дела, – отрывисто проговорила Эстер. – Его могла бы заинтересовать только воистину тонкая криминальная афера, и ничто другое. – Она смотрела на свою собеседницу все тем же холодным взглядом.

– Простите меня, – виноватым голосом произнесла мисс Марпл. – Я… мне не следовало заговаривать о неприятных для вас вещах, к счастью оставшихся в прошлом. Кроме того, мне пора, – добавила она. – Мне еще нужно успеть на поезд, и времени осталось в обрез… О боже, куда я дела свою сумочку… ах да, вот она.

Забирая свою сумку, зонтик и еще несколько мелочей, она суетилась, пока напряженность отчасти не развеялась. Уже выходя из двери, мисс Марпл повернулась к Эстер, все просившей ее остаться и выпить чашку чаю.

– Нет, благодарю вас, моя дорогая. Я уже опаздываю. Мне было очень приятно вновь повидаться с вами, и я приношу вам свои наилучшие поздравления и пожелания самой счастливой жизни. Не думаю, что вы будете теперь искать себе работу, так ведь?

– Ну, некоторым нравится работать. Они говорят, что работа делает их жизнь интереснее. А когда работы нет, им становится скучно. Но я думаю, что предпочту теперь свободную жизнь. Буду радоваться, в том числе и тому

наследству, которое оставил мне мистер Рэфьел. С его стороны это было очень любезно, и я думаю, он хотел, чтобы я получила от него удовольствие – даже если потрачу эти деньги, на его взгляд, глупым и женским образом! На дорогие платья, модные прически и все такое… Он считал подобные вещи глупостями. – Она вдруг добавила: – А знаете, я симпатизировала ему. Да, пожалуй, даже любила его, наверное, потому, что этот человек как бы представлял для меня вызов. С ним было трудно ладить, и потому я радовалась, справляясь с этим делом.

– Справляясь и с ним?

– Ну, не настолько, чтобы управлять им, но все-таки больше, чем он замечал.

Мисс Марпл засеменила по отходившей от дома дорожке. Однажды она обернулась и помахала рукой. Оставшаяся в двери Эстер Андерсон приветливо помахала ей вслед.

– А я уже было подумала, что все это каким-то образом связано с ней или же что ей что-то известно, – сказала себе мисс Марпл. – Похоже, что я ошиблась. Нет, едва ли она каким бы то ни было образом связана с этим делом, в чем бы оно ни заключалось. О боже, похоже, что мистер Рэфьел считал меня много умнее, чем я есть на самом деле… Предположим, что он хотел, чтобы я свела концы с концами, но какие концы? И что надо мне делать теперь, хотела бы я знать?

Она покачала головой.

Нужно было как можно тщательнее все продумать. Все дело, в сущности, было возложено на ее плечи. Оставлено ей – чтобы принять, отказаться, понять, что происходит вокруг? Или чтобы не понимать ничего, но просто идти вперед и надеяться, что она все-таки получит какое-то наставление? Время от времени мисс Марпл закрывала глаза и пыталась представить себе лицо мистера Рэфьела, сидевшего в саду вест-индского отеля в своем тропическом костюме; его морщинистое сердитое лицо, редкие вспышки юмора… На самом деле она хотела знать, что именно творилось у него в голове, когда он задумывал свою схему, когда приводил ее в действие. Чего он хотел – соблазнить ее принять предложенную им схему, убедить или, даже лучше сказать, заставить? Зная мистера Рэфьела, третий вариант казался ей более вероятным. И все же приходится думать, что он хотел сделать нечто, выбрал для этой цели ее и

направил по нужному пути. Зачем? Потому что вдруг вспомнил о ней? Но почему она должна была вспомниться ему?

Мисс Марпл вернулась мыслями к мистеру Рэфьелу и тем событиям, которые произошли на Сент-Оноре. Быть может, проблема, вставшая перед ним в последние дни жизни, заставила его вспомнить о своем посещении Вест-Индии? И каким-то образом связана с человеком, присутствовавшим там, участвовавшим в этих событиях или являвшимся тогда сторонним наблюдателем, что и заставило его вспомнить о мисс Марпл? Было ли там какое-то связующее звено или какая-то связь? Если нет, почему он вдруг вспомнил о ней? Что, какое ее качество вообще делало ее полезной ему? Пожилая, изрядно чудаковатая, вполне ординарная личность, не слишком сильная физически, не столь бодрая духом, как бывало прежде… Какими именно персональными достоинствами она располагает, если таковые у нее действительно есть? Таковых представить себе мисс Марпл не могла. Что, если все это – просто шутка, затеянная мистером Рэфьелом? При присущем ему особенном чувстве юмора он даже на смертном одре мог выкинуть какой-либо фортель, чтобы несколько развлечься…

Она не могла отрицать того, что мистер Рэфьел и в самом деле был способен шутить, стоя на грани жизни и смерти. Чтобы потешить свое ироническое восприятие юмора.

– Я должна… – решительно сказала себе мисс Марпл, – я должна обладать какими-то нужными в данном случае качествами. В конце концов, поскольку мистера Рэфьела более нет в живых, он никак не может лично потешиться собственной шуткой. Так какими же качествами я обладаю? Какие качества моей особы могут понадобиться кому-то для какой-то цели?

Сказав себе это, мисс Марпл со смирением обратилась к рассмотрению собственной личности. Она любопытна, она задает вопросы, она находится в нужном возрасте и принадлежит к тому типу женщин, от которых следует ожидать вопросов. Это один пункт, вполне возможный пункт. Задавать вопросы может частный детектив или следователь-психолог, но куда проще послать пожилую леди, привыкшую повсюду совать свой нос, любопытствовать, говорить слишком много, желать выяснить все возможное, при этом оставаясь вполне естественной…

– Старая сплетница, – сказала себе мисс Марпл. – Да, я вполне понимаю, что выступаю именно в этом амплуа. Старых сплетниц много, и все они так похожи.

И, конечно же, да, я очень обыкновенная. Обыкновенная, слегка рехнувшаяся старая леди. И это, бесспорно, отличный камуфляж… Боже мой, похоже, что я наткнулась на правильную мысль. Иногда мне удается понять, каковы бывают люди. То есть я знаю, каковы люди, потому что они напоминают мне других людей, уже знакомых. Поэтому мне становятся понятны некоторые их недостатки и некоторые добродетели. Я знаю, к какому роду людей они принадлежат. Вот так.

Мисс Марпл вновь подумала о Сент-Оноре и отеле «Золотая пальма». Она сделала одну попытку определить возможную связь, нанеся визит Эстер Уолтерс. Встреча оказалась совершенно бесполезной, решила мисс Марпл. Она не дала ей никакой зацепки, никакой надежды на будущую связь. Ничего такого, что можно было бы увязать с требованием, чтобы мисс Марпл занялась «тем, не знаю чем», о чем она по-прежнему не имела ни малейшего представления!

– Боже мой, – проговорила мисс Марпл, – какой же вы утомительный человек, мистер Рэфьел!

Эти слова она произнесла вслух, с определенным укором в голосе.

Потом, однако, забравшись в постель и самым уютным образом пристроив грелку к наиболее болезненной части своей пораженной ревматизмом спины, она произнесла вслух уже нечто другое, что можно было принять за полуизвинение.

– Я сделала все, что могла, – заявила она.

Слова эти мисс Марпл произнесла громко, так, как обращаются к человеку, который может находиться в комнате. Действительно, он мог находиться повсюду, и даже если может существовать какая-то телепатическая или телефонная связь, она намеревается говорить четко и по делу.

– Я сделала все, что могла. Все, что позволяли мне мои способности. И передаю инициативу вам.

После чего устроилась поуютнее, протянув руку, выключила электрическую лампу и уснула.

Глава 5

Инструкции с того света

I

По прошествии трех или четырех дней она получила новое письмо – со второй почтой. Мисс Марпл взяла его в руки и проделала то, что всегда проделывала с письмами: повертела, посмотрела на марку, посмотрела на почерк, решила, что это не счет, и разрезала конверт. Внутри оказался машинописный лист.

Дорогая мисс Марпл,

Когда Вы получите это письмо, я буду мертв и уже похоронен. Приятно думать, что не кремирован. Мне всегда казалось сомнительным, что можно восстать из полной пепла симпатичной бронзовой вазы и при необходимости явиться кому-то! В то же время сама идея того, что можно восставать из могилы и досаждать кому-то своими визитами, кажется мне весьма реальной. Поступлю ли я подобным образом? Кто знает. Возможно, мне даже захочется пообщаться с вами.

К этому времени мои поверенные уже вошли с Вами в контакт и передали некое предложение. Надеюсь, что Вы приняли его. Если же нет, ни в коей мере не укоряйте себя. Право выбора принадлежит Вам.

Это письмо придет к Вам в том случае, если мои поверенные выполнили полученные инструкции, а почта 11 числа сего месяца исполнила свои обязанности так, как ей положено. Через два дня Вы получите послание от некоего лондонского бюро путешествий. Надеюсь, что его предложение не покажется Вам неприятным. Я не хочу говорить больше: нужно, чтобы Ваш ум оставался открытым. Берегите себя. Думаю, это вполне Вам по силам. Вы очень проницательный человек. Удачи, и пусть Ваш ангел-хранитель далеко не отходит от Вас. Он может потребоваться Вам.

Ваш преданный друг, Дж. Б. Рэфьел

– Два дня! – воскликнула мисс Марпл.

Она с трудом коротала время. Но почта вовремя исполнила свои обязанности – как и агентство «Знаменитые дома и сады Британии».

Дорогая мисс Джейн Марпл,

Следуя инструкциям, полученным нами от покойного мистера Рэфьела, посылаем Вам подробное описание тура № 37 нашего агентства «Знаменитые дома и сады Британии», стартующего в Лондоне 17-го числа настоящего месяца, в следующий четверг.

Если Вы сочтете возможным посетить в Лондоне нашу контору, наша сотрудница, миссис Сэндберн, которая будет сопровождать тур, охотно предоставит Вам дополнительную информацию и ответит на любые вопросы.

Наши туры имеют продолжительность от двух до трех недель. Этот конкретный тур, по мнению мистера Рэфьела, окажется особенно интересным для Вас, поскольку предоставит возможность посетить ту часть Англии, в которой, по его словам, Вы еще не были, и включает в себя посещение некоторых в высшей степени привлекательных парков и садов.

Он распорядился, чтобы Вам были предоставлены наилучшие условия и та роскошь, на которую мы способны.

Надеемся, что Вы известите нас о том дне, в который Вам будет удобно посетить нашу контору на Беркли-стрит?

Мисс Марпл сложила письмо, убрала его в сумочку, отметила телефонный номер, вспомнила имена нескольких подруг, позвонила двоим из них; одна из этой пары ездила в туры от «Знаменитых домов и садов» и составила превосходное впечатление о фирме, другая лично никуда не ездила, однако ее подруги пользовались услугами этого агентства и говорили, что все было очень хорошо, хотя и несколько дороговато, и не слишком утомительно для пожилых дам. После этого мисс Марпл позвонила на Беркли-стрит и сообщила, что посетит

бюро в следующий вторник.

На следующий день она известила о своем намерении Черри, сказав:

– Возможно, я на пару недель уеду из дома. Я намереваюсь отправиться в тур.

– В тур? – переспросила Черри. – За границу? В одно из этих путешествий с туристической группой?

– Не за границу. По нашей стране, – пояснила мисс Марпл. – В основном по историческим зданиям и садам.

– А вам не кажется, что идея эта не для вашего возраста? Подобные поездки могут оказаться слишком утомительными. Иногда вам придется проходить по нескольку миль в день.

– Мое здоровье сейчас находится в хорошем состоянии, – заявила мисс Марпл, – и я слышала, что устроители этих туров всегда стараются предоставить должный отдых не особенно крепким людям.

– Что ж, будьте внимательны к себе, – проговорила Черри. – Мы не хотим, чтобы вы свалились с сердечным приступом при виде какого-нибудь совершенно роскошного фонтана или чего-то еще. Знаете ли, вы слишком стары для таких развлечений. Простите, что я говорю такие слова, которые могут показаться грубыми, но мне неприятно думать, что вы можете оставить нас из-за перенапряжения или чего-нибудь в этом роде.

– Я еще способна позаботиться о себе, – с некоторым достоинством проговорила мисс Марпл.

– Хорошо, но все же не забывайте про осторожность, – сказала Черри.

Мисс Марпл собрала чемодан, отправилась в Лондон, сняла номер в скромной гостинице («Ах, отель «Бертрам», – размышляла она, – какой это был превосходный отель! Боже мой, я должна забыть о прошлом: здесь, в «Сент-Джордж», тоже вполне недурно»). В назначенное время она оказалась на Беркли-стрит, ее провели в кабинет, где навстречу ей поднялась милая с виду

женщина лет тридцати пяти от роду, объяснившая, что зовут ее миссис Сэндберн и что она распорядитель данного тура.

– Следует ли мне понимать, – проговорила мисс Марпл, – что этот вояж окажется мне по карману… – Она умолкла.

Ощутив в ее голосе легкое смущение, миссис Сэндберн успокоила свою клиентку:

– О, должно быть, мне следовало точнее выразиться в отправленном вам письме. Мистер Рэфьел оплатил все расходы.

– Вам известно, что он недавно скончался? – спросила мисс Марпл.

– Конечно, но все было устроено перед его смертью. Он говорил, что пребывает в плохом состоянии, однако хотел бы предоставить возможность попутешествовать своей старой приятельнице, не имевшей возможности повидать все, что ей хотелось бы.

II

Через два дня мисс Марпл, с небольшой туалетной сумочкой в руках, предоставив новый с иголочки чемодан попечению водителя, погрузилась в самый удобный и роскошный автобус, отбывавший из Лондона на северо-запад; она как раз изучала список пассажиров, вложенный внутрь симпатичной брошюры, в которой был расписан ежедневный распорядок поездки и содержалась различная информация относительно отелей и трапез, местных достопримечательностей и альтернатив времяпровождения в некоторые из дней: хотя факт этот не декларировался, один из вариантов предназначался для молодых и активных людей, а другой был пригоден для людей пожилых, болезненных, хворых ногами, страдавших от артрита или ревматизма, предпочитавших сидеть, а не скакать козой по холмам. Все было устроено очень разумно и тактично.

Прочитав перечень пассажиров, мисс Марпл принялась разглядывать их. Занятие это нельзя было назвать сложным, поскольку все остальные занимались тем же самым делом. Ей уделяли внимание вместе со всеми прочими, однако,

насколько мисс Марпл могла судить, никто не обнаруживал к ней особого интереса.

Миссис Ризли-Портер

Мисс Джоанна Кроуфорд

Полковник Уокер с супругой

Мистер и миссис Г. Т. Батлер

Мисс Элизабет Темпл

Профессор Уэнстед

Мистер Ричард Джеймсон

Мисс Ламли

Мисс Бентам

Мистер Каспар

Мисс Кук

Мисс Барроу

Мистер Эмлин Прайс

Мисс Джейн Марпл

Пожилых леди оказалось четверо, и мисс Марпл в первую очередь обратила внимание на них, чтобы, так сказать, исключить из дальнейшего рассмотрения. Две из них путешествовали вместе, и она решила, что обеим около семидесяти

лет. Их примерно можно было считать ее ровесницами. Одна, бесспорно, принадлежала к категории вечно недовольных жалобщиц: из тех, кто хотел то занять места в передней части автобуса, то особо желал разместиться сзади. Или хотел устроиться на солнечной стороне или же, наоборот, мог выносить лишь пребывание в тени. Кому могло потребоваться больше свежего воздуха или необходимо было его полное отсутствие. Они взяли с собой дорожные коврики и вязаные шарфы, а также целую груду путеводителей. Обе были чуть покалечены возрастом и часто ощущали боль в ногах, спине и коленях, но тем не менее принадлежали к тем, кому ни возраст, ни хвори не могли помешать наслаждаться той жизнью, которую они могли еще себе позволить. Старые перечницы, однако определенно не домоседки. Мисс Марпл сделала пометку в своей небольшой записной книжке.

Пятнадцать пассажиров, если не считать ее и миссис Сэндберн. А поскольку она была отправлена в это автобусное путешествие, по крайней мере один из этих пятнадцати человек мог каким-то образом представлять интерес для нее. В качестве либо источника информации, либо человека, находящегося в конфликте с законом, либо убийцы – уже совершившего свое преступление или готовящегося убить. Все возможно, подумала мисс Марпл, когда имеешь дело с Рэфьелом! В любом случае ей следовало внимательно отнестись к этим людям.

На правую страницу своего блокнота она решила заносить тех, кто, с точки зрения мистера Рэфьела, мог стать предметом ее особенного внимания, а на левую – тех, кто мог бы представлять для нее какой-то интерес с точки зрения наличия у них какой-то полезной информации. Причем информации, об обладании которой они даже не подозревали. Или, скорее обладая ею, не представляли, что та может оказаться полезной для нее самой, или для мистера Рэфьела, или же для закона, или Правосудия с заглавной буквы. Заднюю страницу своей книжки мисс Марпл оставила для того, чтобы в тот же вечер сделать несколько заметок о тех, кто каким-то образом напомнил ей знакомые персонажи по Сент-Мэри-Мид и другим местам. Любое сходство могло стать полезным указателем. Как это случалось в других ситуациях.

Две другие пожилые леди явно путешествовали по отдельности. Обеим было около шестидесяти. Одна хорошо сохранившаяся и хорошо одетая дама явно пребывала в уверенности в собственном высоком статусе, разделявшейся, очевидно, и другими. Говорила она громко и с диктаторской интонацией. Дама везла с собой племянницу, девушку восемнадцати-девятнадцати лет, называвшую ее тетей Джеральдиной. Племянница, отметила мисс Марпл, была

прекрасно знакома с властными интонациями тети Джеральдины. Толковая девушка, и привлекательная, кстати.

По другую сторону прохода от мисс Марпл сидел рослый мужчина с квадратными плечами и нескладным телом, казавшимся сложенным капризным ребенком из грубых кирпичиков. Лицо его, согласно плану природы, должно было бы получиться круглым, однако же в последний момент возмутилось и постаралось превратиться в квадратное за счет мощной челюсти. Голову его покрывала густая седая шевелюра, а невозможно кустистые брови подпрыгивали при каждом сказанном им слове. Говорил он как будто рявкал и производил впечатление большой разговорчивой овчарки. Свое сиденье он делил с высоким темноволосым иностранцем, беспокойно ерзавшим на своем месте и вовсю жестикулировавшим. Английское произношение его было весьма своеобразным, время от времени он вставлял реплики на французском и немецком. Его грузный сосед непринужденно управлялся с натиском иностранных слов и легко переходил на французский или немецкий язык. Еще раз бросив на них короткий взгляд, мисс Марпл заключила, что кустистые брови принадлежат профессору Уэнстеду, а нервный иностранец является мистером Каспаром.

Ей сразу захотелось узнать, какие проблемы они обсуждают с подобным воодушевлением, однако торопливая речь мистера Каспара не допускала ни малейшего понимания.

Находившееся перед ними сиденье занимала еще одна женщина примерно шестидесяти лет, высокая, скорее всего уже зашедшая на седьмой десяток, однако заметная в любой толпе. Она по-прежнему оставалась привлекательной. Темные, с проседью кудри окружали ее голову, несколько отступив от прекрасно вылепленного лба. Говорила она четким, низким и прямо-таки режущим голосом. Бесспорно, личность, подумала мисс Марпл. Персона! Да, эта женщина, безусловно, была персоной. «Похожа, – решила мисс Марпл про себя, – на Эмилию Уолдрон».

Дама Эмилия Уолдрон руководила одним из оксфордских колледжей и была известным ученым; мисс Марпл однажды познакомилась с ней в обществе своего племянника и навсегда запомнила эту особу.

Она продолжила изучать пассажиров. Среди них были две семейные пары. Сперва американцы средних лет – дружелюбная и разговорчивая жена и

кроткий, со всем согласный муж; эти двое были явными путешественниками и любителями зрелищ. Еще была английская семейная пара того же возраста, которую мисс Марпл без всяких колебаний определила как отставного военного с супругой. Судя по списку, это были полковник Уокер и его супруга.

На следующем за ней сиденье располагался высокий и сухощавый мужчина, обладавший в высшей степени техническим словарем – очевидно, архитектор. Далее в автобусе располагались две путешествовавшие совместно леди. Они активно обсуждали брошюрку и пытались определить, какие именно развлечения припас для них тур. Одна из них была худощавой брюнеткой, другая – крепкого сложения блондинкой, причем лицо последней показалось мисс Марпл знакомым. Оставалось только понять, где она видела или встречала эту женщину. Впрочем, обстоятельства не торопились появляться из памяти. Возможно, они просто встречались на каком-нибудь там званом ужине с коктейлями в руках, а может, сидели напротив в поезде. В ней явно не было ничего особенного, достойного запоминания.

Теперь оставался лишь один еще не оцененный ею пассажир – молодой человек лет примерно девятнадцати-двадцати. Одет он был согласно полу и возрасту: черные в обтяжку джинсы, фиолетовый свитер со стоячим воротником, голову его венчала необычайно пышная копна непокорных черных волос. Он не без интереса поглядывал на племянницу властной женщины, и племянница эта, как показалось мисс Марпл, также с интересом посматривала на него. При явном численном превосходстве старых перечниц и просто женщин средних лет в автобусе оказалось всего двое молодых людей.

Отобедать они остановились в приятном отеле возле реки, и дневная экскурсия была посвящена Бленхейму[7 - Бленхейм – родовое имение герцогов Мальборо, один из крупнейших дворцово-парковых ансамблей Англии. Расположен на окраине Вудстока в графстве Оксфордшир.]. Мисс Марпл уже дважды бывала здесь и потому, позаботившись о своих ногах, ограничила посещение самого дворца и в основном наслаждалась садами и пейзажами.

К тому времени, когда туристы явились в отель, в котором им предстояло провести ночь, они уже перезнакомились друг с другом. Деловитая миссис Сэндберн, нисколько не утомленная своими обязанностями во время дневной экскурсии, прекрасно справлялась со своей ролью и организовывала небольшие группы, присоединяя то к одной из них, то к другой того, кто мог показаться забытым, примерно со следующими словами: «Позвольте полковнику Уокеру

рассказать вам про свой сад. У него такая замечательная коллекция фуксий».

Подобные сентенции помогали ей сблизить людей.

Теперь мисс Марпл могла дать имена всем спутникам. Густые, кустистые брови, как она и думала, принадлежали профессору Уэнстеду, а иностранцем был мистер Каспар. Властная женщина оказалась миссис Ризли-Портер, племянница ее носила имя Джоанна Кроуфорд. Лохматый молодой человек был Эмлином Прайсом, и они с Джоанной Кроуфорд как раз как будто бы находились в процессе обнаружения того, что имеют некоторые общие взгляды на экономику, искусство, политику, а также располагают общими антипатиями.

Двух самых старших дам мисс Марпл без труда отнесла к категории старых перечниц. Они блаженно беседовали об артрите, ревматизме, диетах, новых докторах, а также о лекарствах, профессиональных и патентованных, и зельях старых знахарок, помогавших там, где не могли помочь первые. Еще они говорили о многих турах, которые совершили по примечательным местам Европы; об отелях и туристических агентствах, и, наконец, о графстве Сомерсет, где жили мисс Ламли и мисс Бентам и где приличного садовника – вы не поверите – просто невозможно найти.

Две путешествующие совместно леди средних лет оказались мисс Кук и мисс Барроу. Мисс Марпл никак не могла избавиться от ощущения, что встречала одну из них – светловолосую мисс Кук, – однако по-прежнему не могла припомнить, где именно. Возможно, ей это только мнится. Но мнится или нет, однако она также ощущала, что мисс Барроу и мисс Кук как бы избегают ее. Они всякий раз старались отойти подальше, заметив ее приближение. Впрочем, это, конечно, могло быть плодом ее воображения.

Пятнадцать человек, среди которых по крайней мере один обладает определенной значимостью для нее. Тем же вечером в непринужденном разговоре мисс Марпл помянула имя мистера Рэфьела, чтобы определить возможную реакцию. Таковой не последовало.

Симпатичная женщина была определена ею как мисс Элизабет Темпл, бывшая директриса знаменитой женской школы. Никто не производил на мисс Марпл впечатления возможного убийцы, разве что за исключением мистера Каспара – безусловно, на почве национальных предрассудков. Худощавый молодой

человек, Ричард Джеймсон, действительно оказался архитектором.

– Быть может, завтрашний день окажется для меня более удачным, – сказала себе мисс Марпл.

III

Мисс Марпл отправилась в постель определенно усталой. Экскурсии – дело приятное, но утомительное, и одновременное изучение пятнадцати или шестнадцати персон на предмет, кто из них может оказаться убийцей, еще более усложняет ситуацию.

Занятие это выглядело настолько нереальным, что никто, по мнению мисс Марпл, не мог бы воспринять его с какой-то долей серьезности. Все эти люди казались обычными и хорошими – из тех, кто ездит в круизы, туры и так далее. Однако она еще раз пробежала взглядом список пассажиров автобуса и сделала несколько коротких пометок в своей записной книжке.

Миссис Ризли-Портер? Свободна от подозрений. Слишком общительна и эгоцентрична.

Племянница, Джоанна Кроуфорд? То же самое? Но очень деловая особа.

Впрочем, миссис Ризли-Портер, однако, могла располагать некоего рода информацией, способной оказаться имеющей отношение к делу. Следует сохранять приличные отношения с миссис Ризли-Портер.

Мисс Элизабет Темпл? Личность. Интересная личность. Но не похожа ни на одного из известных мисс Марпл убийц.

– По правде говоря, – сказала себе мисс Марпл, – она буквально излучает искренность и прямоту. А если и совершила убийство, то только встреченное всеобщим одобрением. По благородной причине или по причине, почему-то показавшейся ей благородной…

Впрочем, эта мысль также не устроила ее. Мисс Темпл, по ее мнению, всегда знает, что делает и по какой причине, и не позволит себе глупого благородства

в отношении к обыкновенному злу.

– Тем не менее, – сказала себе мисс Марпл, – она что-то собой представляет и может – может – оказаться той личностью, с которой хотел свести меня мистер Рэфьел.

Она занесла плоды этих размышлений на правую сторону своего блокнота. А потом переменила точку зрения. Она искала возможного убийцу… как насчет вероятной жертвы? Кто может стать таковой? Похоже, что никто. Разве что миссис Ризли-Портер… богатая… неприятная. Деловая племянница может стать наследницей. И вместе с анархичным с виду Эмлином Прайсом может заняться борьбой с обретенным капиталом. Не слишком блестящая мысль, однако обнаружить другого возможного убийцу не представлялось возможным.

Профессор Уэнстед? Интересный человек, в этом нельзя было усомниться. Приятный к тому же. Ученый или медик? Пока непонятно, однако скорее всего ученый. Сама мисс Марпл не имела никакого представления о науке, однако такой вариант казался ей наиболее подходящим.

Мистер и миссис Батлер? Она решила, что нет. Хорошие американцы. Никаких связей с Вест-Индией или с кем-то, знакомым ей. Нет, едва ли Батлеры могут что-либо означать.

Ричард Джеймсон, тощий архитектор? Мисс Марпл сочла, что архитектура не имеет отношения к делу, хотя исключить возможную связь полностью было невозможно. Быть может, нора священника?[8 - Нора священника – потайная комната в церкви или замке, где укрывались католические священники во время преследования католиков.] В одном из зданий, которые им предстояло посетить, могла обнаружиться нора священника со скелетом в ней. И мистер Джеймсон, будучи архитектором, способен понять, где она находится. Он может помочь ей обнаружить это тайное укрытие, или же она сама поможет ему в этом, и там они обнаружат тело.

– Боже мой, – произнесла мисс Марпл, – какая чушь просится мне в голову, а потом – на язык…

Мисс Кук и мисс Барроу? Ничем не примечательная пара. И все же одну из них она когда-то встречала. По меньшей мере видела эту мисс… Ладно, оставим ее

на потом, решила она.

Полковник и миссис Уокер? Милые люди. Он – отставной военный. Служил в основном за границей. С ними приятно поговорить, однако едва ли в них найдется что-то полезное для нее.

Мисс Бентам и мисс Ламли? Пожилые перечницы. Не преступницы, но в качестве перечниц бесспорные сплетницы и потому могут располагать какой-то полезной информацией или способны сделать важное замечание, даже если речь пойдет об артрите, ревматизме или патентованных снадобьях.

Мистер Каспар? Пожалуй, опасен. Легко возбудим. Его нельзя исключать из списков.

Эмлин Прайс? Возможно, студент. Студенты необузданны и склонны к насилию. Но неужели мистер Рэфьел пошлет ее выслеживать студента? Ну, это будет зависеть о того, что студент сделал, хочет сделать и уже делает. Не исключено, что этот тип – убежденный анархист.

– О боже, – промолвила мисс Марпл, внезапно покоряясь усталости. – Пора спать.

Ноги ее болели, спина ныла, а умственные реакции были далеки от лучшего состояния. Уснула она немедленно. И сон ее украсили несколько сновидений.

В одном из них кустистые брови профессора Уэнстеда свалились с его лица, поскольку были не его собственными, а фальшивыми. Проснувшись, мисс Марпл была готова решить, что, как это нередко случается со снами, сновидение разрешило все вопросы.

«Конечно, конечно же! – подумала она. – Фальшивые брови являются ключом ко всей ситуации. Он и есть преступник».

Но, увы, в тот же самый момент ее осенило, что ничего еще не решено. Отпавшие брови профессора Уэнстеда никак не могли иметь какое-то отношение к делу.

К несчастью, сон куда-то улетучился, и мисс Марпл решительным движением села в постели. Немного погодя, вздохнув и надев халат, перебралась из постели в высокое кресло, достала из чемодана блокнот побольше и приступила к работе.

«Затеянное мной предприятие, – писала она, – безусловно, связано с преступлением какого-то рода. Мистер Рэфьел явным образом указал на это в своем письме. Он написал, что у меня есть чувство справедливости, подразумевающее дар ощущать преступление. Итак, речь идет о преступлении, и это, безусловно, не шпионаж, мошенничество или грабеж, поскольку мне никогда не приводилось сталкиваться с такими делами, я не разбираюсь в них и не имею должной квалификации. Мистер Рэфьел знал обо мне только то, что сумел выяснить за время, проведенное совместно на Сент-Оноре. Там нам пришлось иметь дело с убийством. Попавшие в газеты убийства никогда не привлекали к себе мое внимание. Я никогда не читала книг по криминологии как таковой и не проявляла интереса к подобным вещам. Просто случилось так, что я оказывалась возле убийств много чаще, чем это следует нормальному человеку. Мое внимание всегда привлекали убийства, обстоятельства которых задевали моих друзей и знакомых. Подобные любопытные совпадения и связи с конкретными темами действительно случаются в жизни людей. Одна из моих тетушек, насколько я помню, пять раз пережила кораблекрушение, а одна из моих приятельниц обнаруживала такую склонность к автомобильным авариям, что некоторые из ее подруг отказывались садиться вместе с нею в такси. Она побывала в четырех авариях с участием такси, в трех – с другими автомобилями и в двух железнодорожных крушениях. Некоторые люди, похоже, попадают в сходные ситуации без определенной причины. Неприятно писать подобные вещи, однако выходит, что убийства любят происходить в непосредственной близости от меня, хотя, слава богу, я не являюсь пострадавшей в них стороной».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Протокольные мероприятия Двора» – ежедневный бюллетень об участии членов королевской семьи в официальных мероприятиях; рассылается редакциям газет и журналов. Введен королем Георгом III в 1803 г.

2

Шахматные конь и слон в английском языке соответственно именуются knight и bishop. Ладья – castle, rook. Последнее слово также обозначает «мошенничать, жульничать».

3

Этой идиоме больше 150 лет. Она появилась в «Рассказах придорожной гостиницы» Генри Лонгфелло в 1863 г.: «Корабли минуют друг друга в ночи, переговариваясь между собою; дан сигнал, и в ночи раздается далекий голос; так в океане жизни мы проходим мимо друг друга, короткий взгляд и голос, а потом снова тьма».

4

Организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности; в ее рамках действуют различные кружки.

5

Примерный перевод с английского слова broadribb – «широкогрудый».

6

«Харродс» – самый известный универмаг Лондона.

7

Бленхейм – родовое имение герцогов Мальборо, один из крупнейших дворцово-парковых ансамблей Англии. Расположен на окраине Вудстока в графстве Оксфордшир.

8

Нора священника – потайная комната в церкви или замке, где укрывались католические священники во время преследования католиков.

Купить: https://tellnovel.com/ru/agata-kristi/nemezida-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить